

Ч У Ж И Е™

НАСТАЛО
ВРЕМЯ ВОЙНЫ

АЛАН ДИН ФОСТЕР

СЦЕНАРИЙ ДЖЕЙМС КЭМЕРОН
СЮЖЕТ ДЖЕЙМС КЭМЕРОН, ДЭВИД ГАЙЛЕР
И УОЛТЕР ХИЛЛ

ОСНОВАНО НА ПЕРСОНАЖАХ
ДЭНА О'БЭННОНА И РОНАЛЬДА ШУСЕТТА

Алан Дин Фостер

Чужие

Серия «Вселенная Чужих и Хищника»

Серия «Чужой», книга 2

Серия «Чужой против Хищника»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132109

Алан Дин Фостер Чужие Официальная новеллизация:

ISBN 978-5-17-109533-8

Аннотация

После долгих лет блуждания в космосе спасательная капсула с Эллен Рипли на борту обнаружена спасателями.

Вернувшись на Землю, Эллен узнает, что планета LV-426, на которой экипаж «Ностромо» столкнулся с чужим, колонизирована, но связь с поселенцами прервалась. Теперь Рипли в сопровождении подразделения колониальной морской пехоты предстоит вернуться туда, где начался ее кошмар, чтобы выяснить судьбу колонистов...

И уничтожить любых пришельцев, найденных на планете, ныне известной как Ахерон.

Перед вами новаторская адаптация легенды научной фантастики от Алана Дина Фостера. Восхитительные персонажи

и безостановочный экшн сделали «Чужих» одним из величайших научно-фантастических фильмов всех времен.

Содержание

I	6
II	44
III	63
IV	76
V	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Алан Дин Фостер

Чужие

Официальная новеллизация

Alan Dean Foster

ALIENSTM: The Official Movie Novelization

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.

www.titanbooks.com

Перевод с английского Александры Давыдовой, Дениса Приемышева и Алисы Тугушевой

Серия «Чужой против Хищника»

TM & © 1986, 2018 Twentieth Century Fox Film Corporation.

All Rights Reserved

* * *

I

Двое спали и видели сны.

Между ними не было существенной разницы, если не считать очевидных различий. Первый был крупнее второго, не слишком большого по размеру. Один относился к женскому полу, второй был рода мужского. Во рту первого острые зубы соседствовали с плоскими, что является явным признаком всеядности, челюсти второго предназначались исключительно для того, чтобы прокусывать и рвать. Оба относились к роду убийц, хотя вид первого научился сдерживать обусловленные генетикой порывы, а второй оставался совершенно диким.

В снах отличия выражались сильнее, чем во внешности. Женская особь спала тревожно. Недавние воспоминания об ужасах, которые невозможно себе представить, всплывали из подсознания и разрушали обычную безмятежность гиперсна. Она бы вертелась и металась, если бы не капсула, которая сдерживала, ограничивая движения. Капсула – и тот факт, что гиперсон сводил мускульную активность к минимуму. Так что вертеться приходилось лишь мысленно. Правда, она этого не сознавала. Во время гиперсна никто ничего не осознает. И все же время от времени, подобно тому, как сточные воды просачиваются на улицы города, в ее видения проникали темные, мерзкие образы. На время они заполня-

ли сознание, и тогда женщина стонала, а ее сердце начинало биться чаще. Заметив подобную активность, компьютер, следящий за ней подобно электронному ангелу-хранителю, понижал температуру тела еще на градус и увеличивал дозу стабилизирующих препаратов.

Стоны прекращались. Спящая успокаивалась и снова обмякала на подушках. Кошмар после этого возвращался не сразу.

Лежавший рядом с ней маленький убийца подергивался, будто в ответ содроганиям более крупной спутницы, после чего тоже затихал. Он грезил о маленьких теплых тельцах, потоках горячей крови, утешении, какое дарит общество себе подобных, и о том, что оно наверняка придет снова. Каким-то образом он знал, что оба они проснутся вместе – или не проснутся вовсе.

Последнее его не беспокоило. Он обладал бóльшим терпением, чем его напарница по гиперсну, и более реалистично оценивал свое положение во Вселенной. Он принимал сон и ожидание, зная, что, если и когда вернется сознание, он снова будет охотиться и убивать. А пока что он отдыхал.

Время проходит. Ужас остается.

* * *

В бесконечности космоса звезды – всего лишь песчинки. Белые карлики в нем едва сто́ят внимания. В подобной

пустоте такой крошечный корабль, как спасательная шлюпка с исчезнувшего буксира «Ностромо», фактически не существовал. Он дрейфовал в великом Ничто, как свободный электрон, сорвавшийся с орбиты своего атома.

Но все-таки даже свободный электрон можно заметить, если на его пути встретится некто, оснащенный подходящими приборами. Так вышло, что курс спасательной шлюпки привел ее к знакомой звезде. Хотя и там ее не проглядели лишь по чистой удаче. Шлюпка прошла очень близко к другому кораблю. (В космосе «очень близким» считается все, что находится от тебя в пределах светового года.)

Итак, шлюпка появилась на краю экрана разведывательного поискового судна. Кое-кто из тех, кто заметил эту точку, предлагал не обращать на нее внимания. Они утверждали, что она слишком мала для корабля, и ее в принципе там не должно быть. К тому же, суда отвечают на запросы, а эта точка была молчалива, как мертвец. Вероятнее всего, она была блуждающим астероидом, беглым куском никеля и железа, который вознамерился повидать Вселенную. С корабля, как минимум, ревел бы на всех частотах в пределах досягаемости аварийный радиомаяк.

Но капитан поисковика оказался любопытным парнем. Легкое изменение курса дало бы шанс познакомиться с молчаливым странником поближе, а небольшие, но продуманные поправки в бухгалтерских документах оправдали бы крюк в глазах владельцев. Он отдал приказ, и компьютеры

скорректировали курс.

Когда они приблизились к странному объекту, стало понятно, что капитан принял верное решение: астероид оказался спасательной шлюпкой.

Она не проявляла признаков жизни, не отвечала на вежливые запросы. Не горели и ходовые огни. Однако судно умерло не окончательно: подобно телу в холодную погоду, оно отключило оболочку, чтобы защитить нечто жизненно важное глубоко внутри.

Капитан выбрал для высадки на дрейфующее суденышко троих человек.

Более крупный корабль скользнул вплотную к «Нарциссу» мягко, словно орел к выпавшему перу. Металл коснулся металла. Выдвинулись захваты. По обоим кораблям прокатились звуки стыковки.

Три члена абордажной партии в скафандрах вошли в шлюз. С собой они несли фонари и прочее оборудование. Воздух представлял собой слишком большую ценность, чтобы выбрасывать его в вакуум, поэтому они терпеливо ждали, пока корабль его не всосет. Только после этого внешний люк отъехал в сторону.

При первом взгляде на шлюпку они испытали разочарование: через иллюминаторы не было видно ни внутренних огней, ни движения. Дверь не отреагировала на внешнее управление: ее заклинило изнутри. После того, как мужчины убедились в том, что в кабине шлюпки нет воздуха, они

предоставили работать с дверью роботу-сварщику. Во тьме ярко вспыхнули факелы, которые впились в металл с двух сторон. Языки пламени встретились в нижней точке. Двое мужчин обхватили третьего, и тот ногой вбил вырезанный кусок внутрь шлюпки.

Путь был открыт.

Внутри оказалось темно и спокойно, как в могиле. По полу змеился обрывок кабеля, его порванный, истрепанный кончик доходил почти до внешней двери. Ближе к кокпиту виднелся какой-то слабый свет. Команда двинулась в ту сторону.

Знакомый купол капсулы гиперсна светился изнутри. Прежде, чем подойти к ней, незваные гости обменялись взглядами. Двое склонились над толстым стеклом прозрачного саркофага. Третий, держась позади, изучал показания приборов и комментировал вслух:

– Внутри есть давление. Вероятно, корпус и системы в порядке. Кажется, ничего не сломано, просто выключилось для сбережения энергии. Давление в капсуле стабильное. И питание тоже идет, хотя я готов поспорить, что батареи почти сдохли. Поглядите, какие тусклые индикаторы. Вы когда-нибудь видели такие капсулы?

– Конец двадцатых, – мужчина наклонился ближе к стеклу и тихо добавил: – Красотка.

– Скажешь тоже, – в голосе его напарника звучало разочарование. – Огни жизнеобеспечения все зеленые, значит, она

жива. Плакала наша награда за спасение имущества, парни.

Еще один исследователь удивленно взмахнул руками:

– Эй, там с ней еще что-то есть. Не человек. Кажется, оно тоже живое. Видно плохо, оно частично скрыто ее волосами. Оранжевое.

– Оранжевое? – главный из трио растолкал остальных и прижался лицевой пластиной шлема к прозрачной преграде. – Что бы там ни было, у него когти.

– Эй, – мужчина толкнул своего напарника локтем, – а может, это инопланетный организм? Это обеспечит нам хоть сколько-нибудь баксов.

Именно в этот момент Рипли слегка повернулась. Несколько прядей волос упали с подушки, открывая прижавшееся к ней существо. Главный выпрямился и с отвращением покачал головой:

– Не повезло. Это всего лишь кот.

* * *

Звуки причиняли боль. О попытках открыть глаза и говорить не стоило. Глотка казалась антрацитовый трещиной в более легкой пемзе черепа: черная, сухая, с легким смолистым привкусом. Язык свободно болтался в давно забытом пространстве. Она попыталась вспомнить, как это – говорить. Приоткрыла губы. Из легких рванул воздух. Давно стоявшие без дела живые меха тоже болели от напряжения.

Усердная совместная работа губ, языка, нёба и легких принесла пусть скромный, но результат. В пространство комнаты уплыло единственное слово:

– Пить.

Между ее губ скользнуло что-то гладкое и прохладное. Ощущение влаги ошеломляло, а воспоминание почти заставило ее выплюнуть трубку с водой. В иное время в ином месте подобное вторжение предваряло бы чрезвычайно необычную и омерзительную кончину. Но по этой трубке текла только вода – в сопровождении спокойного голоса:

– Не заглатывайте. Тяните понемножку.

Она повиновалась, хотя часть разума вопила, требуя вытягивать живительную влагу как можно быстрее. Как ни странно, она не чувствовала себя обезвоженной, просто ужасно хотелось пить.

– Хорошо, – сипло прошептала она. – Есть что-нибудь по-существеннее?

– Слишком рано, – ответил голос.

– Черта с два. Как насчет фруктового сока?

– Лимонная кислота будет драть горло, – голос помедлил, раздумывая, потом сказал: – Попробуйте вот это.

Снова в рот скользнула сверкающая металлическая трубочка. Рипли с удовольствием потянула жидкость. В горло полился подслащенный холодный чай, утоляя и жажду, и первые позывы голода. Трубку убрали, стоило Рипли сказать, что она выпила достаточно. Уши атаковал новый звук: трель

какой-то экзотической птицы.

Слух и вкус вернулись, настала очередь зрения. Открыв глаза, она увидела чистый тропический лес. Деревья возносили к небесам кустистые зеленые кроны. Яркие переливчатые крылатые создания с гулом перелетали с ветки на ветку. Птицы ныряли вниз в попытках поймать насекомых, снова набирали высоту, и длинные хвостовые перья тянулись следом, как инверсионные следы самолетов. Из гнезда в пне карликовой фиги выглянул кетцаль¹ и уставился на нее.

Пышно цвели орхидеи, а жуки носились среди листьев и упавших веток, как живые драгоценности. Рипли заметила, как появился и тут же метнулся обратно в подлесок агути². Качаясь на крепком суку, обезьяна-ревун тихо гудела над своим детенышем. «Слишком много нагрузки на органы чувств». Рипли закрыла глаза, отсекая щебечущее изобилие жизни.

Позже – спустя час? на следующий день? – посреди массивных корней большого дерева появилась трещина. Потом разрез. Он увеличился, стирая тело скачущей мармозетки³. Из бреши появилась женщина и закрыла ее за собой, сомкнув бескровную рану на дереве и животном. Женщина коснулась спрятанного переключателя, и тропический лес исчез.

---

¹ Яркая тропическая птица, обитающая в горных лесах Центральной Америки.

² Южноамериканский грызун, родственник морских свинок.

³ Мелкий примат.

Картинка была очень хороша, но теперь, когда ее выключили, Рипли увидела набор медицинского оборудования, прежде скрытый за проекцией леса.

Сразу слева от нее располагался медробот, который так заботливо ответил на просьбы Рипли сначала о воде, а потом о холодном чае. Машина неподвижно висела на стене, зная все, что происходит внутри ее тела, готовая изменить подачу лекарств, предоставить еду и питье или позвать человека в случае необходимости.

Женщина улыбнулась пациентке и при помощи пульта, закрепленного на нагрудном кармане, подняла изголовье постели Рипли. На белой униформе выделялась яркая эмблема старшего медицинского техника. Рипли настороженно наблюдала, не в силах понять, искренна улыбка женщины, или это просто профессиональная привычка. Голос техника звучал приятно и с врачебной заботливостью, но не чрезмерно приветливо:

– Действие успокоительного заканчивается. Я считаю, в нем нет больше необходимости. Вы меня понимаете?

Рипли кивнула. Медтех окинула пациентку оценивающим взглядом и, казалось, приняла некое решение.

– Давайте попробуем кое-что новенькое. Почему бы мне не открыть окно?

– Сдаюсь. В самом деле, почему?

Уголки губ чуть опустились, но улыбка тут же засияла снова. Значит, отрепетированная и профессиональная. Не от

чистого сердца. Да и откуда такой взяться? Медтех не знала Рипли, и Рипли не знала ее. Ну, и пусть. Женщина направила пульт на стену напротив изножья кровати.

– Берегите глаза.

«Вот уж нелогично звучит», – подумала Рипли. Тем не менее, она прищурилась, готовясь к предполагаемому сиянию. Раздалось тихое жужжание, и стенная панель уползла в потолок. Комнату залил яркий свет. Несмотря на смягчающие фильтры, для истощенного организма Рипли он все равно стал потрясением.

За окном простиралась безбрежная пустота. Слева несколько модульных конструкций Узловой станции образовывали кольцо: пластиковые ячейки были составлены вместе, как детские кубики. Снизу высывались несколько антенн связи. Но главенствовал в этой картине яркий изгиб Земли. Африка казалась коричневым пятном с белой каймой: она купалась в океанской синеве. Сахару венчала сапфировая корона Средиземного моря.

Рипли уже все это видела, сначала в школе, а потом лично. Это зрелище не слишком ее потрясло. Скорее, она просто радовалась тому, что все осталось по-прежнему. Недавние воспоминания наводили на подозрение, что все могло исчезнуть. Что кошмар был реальным, а теплый притягательный шар – лишь издевательская иллюзия. Знакомый, уютный вид за окном успокаивал, заглушал страхи, как вытертый плюшевый мишка. Сцену завершал унылый шар Луны, бегущий

на заднем фоне, подобно бродячему восклицательному знаку. Планетарная система как способ придать уверенности.

– И как мы себя сегодня чувствуем?

Рипли почувствовала, что медтех не просто отпускает дежурные замечания. Ей важны были ответы пациентки.

– Кошмарно, – раньше Рипли не раз доводилось слышать, что у нее приятный, необычный голос. Со временем он должен был к ней вернуться. А пока что ни одна часть ее тела не работала с полной отдачей. Эллен задумалась, будет ли когда-нибудь иначе, потому что она сильно отличалась от того человека, каким была прежде. Та Рипли вышла в обычный грузовой рейс на ныне исчезнувшем корабле. А вернулась и теперь лежала в больничной постели, глядя на медсестру, уже другая Рипли.

– Просто кошмарно? – нужно было отдать медтеху должное. Эту женщину непросто сбить с толку. – По крайней мере, это лучше, чем вчера. Я бы сказала, что «кошмарно» – это существенное улучшение по сравнению с «омерзительно».

Рипли зажмурилась, потом медленно открыла глаза. Земля все еще висела за окном. Время, которое до того совершенно ее не заботило, внезапно снова обрело значительность.

– Как давно я на Узловой?

– Всего лишь несколько дней, – женщина не переставала улыбаться.

– По ощущениям – дольше.

Медтех отвернулась, и Рипли задумалась, не сочла ли та краткое замечание скучным или тревожным.

– Вы в состоянии принять посетителя?

– У меня есть выбор?

– Разумеется. Вы – пациент. Не считая врачей, вы знаете себя лучше всех. Если вы хотите, чтобы вас оставили в покое, то так и будет.

Рипли пожала плечами, немного удивившись тому, что ее мышцы способны на такой жест:

– Я достаточно времени провела в одиночестве. К черту. Кто это?

Медтех подошла к двери.

– На самом деле, их там двое.

Рипли видела, что на ее губах снова появилась улыбка. Из-за двери появился мужчина, который что-то нес. Человека этого Рипли не знала, зато ей был знаком его толстый, оранжевый, скучающий груз.

– Джонс! – Рипли выпрямилась без помощи изголовья.

Мужчина с облегчением передал ей огромного кота, и Рипли прижала животное к груди.

– Иди ко мне, Джонси, уродливый ты старый лось, милый мой комочек пуха!

Кот смиренно, с присущим его виду достоинством сносил это обычное для людей постыдное проявление чувств. Подобное терпение свойственно кошкам в общении с человеческими существами. Любой внеземной наблюдатель, став-

ший свидетелем этой сцены, ни на миг не усомнился бы в том, которое из существ на кровати более разумно.

Мужчина, который принес добрую оранжевую весть, подтащил к кровати кресло и спокойно ждал, пока Рипли обратит на него внимание. Ему было за тридцать, он обладал приятной, не особенно эффектной внешностью и носил ничем не примечательный деловой костюм. Улыбка его выглядела не более – или не менее – настоящей, чем у медтеха, хотя времени для практики у него было больше.

Наконец Рипли кивнула в знак того, что заметила его присутствие, но продолжила разговаривать с котом. Посетитель понял: если он хочет, чтобы его перестали считать простым курьером, нужно заговорить первым.

– Милая комната, – сказал он не слишком искренне.

«Он выглядит как сельский паренек, но говорит иначе», – подумала Рипли.

Мужчина пододвинул кресло еще ближе.

– Меня зовут Бёрк. Картер Бёрк. Работаю на Компанию, но, не считая этого, я нормальный парень. Рад видеть, что вам лучше, – последняя фраза, по крайней мере, прозвучала искренне.

– Кто сказал, что мне лучше? – Рипли поглаживала Джонса, а тот довольно урчал и рассыпал по стерильной кровати шерсть.

– Ваши врачи и машины. Мне дали понять, что слабость и дезориентация скоро пройдут, хотя, на мой взгляд, вы не вы-

глядите особенно дезориентированной. Побочные эффекты необычайно долгого гиперсна, или что-то в этом роде. Биология никогда не входила в число моих любимых предметов. Мне всегда лучше давались цифры, формулы и фигуры. Например, ваша, – он кивнул на простыню, которой была накрыта Рипли, – отлично пережила все неурядицы.

– Надеюсь, что я выгляжу лучше, чем себя чувствую, потому что по ощущениям я словно внутри египетской мумии. Вы сказали: «необычайно долгий гиперсон». Сколько прошло времени? Они, – Рипли кивнула на медтеху, – ничего мне не говорят.

– Ну, возможно, вам пока что не стоит об этом беспокоиться, – Бёрк говорил успокаивающим, отеческим тоном.

Рипли схватила его за руку. Скорость движения и сила пальцев, очевидно, стали для Бёрка сюрпризом.

– Нет. Я пришла в себя и больше не нуждаюсь в том, чтобы со мной нянчились. Сколько?

Бёрк посмотрел на медтеху. Та пожала плечами и отвернулась, занявшись какой-то малопонятной путаницей из диодов и проводов. Снова посмотрев на лежавшую в кровати женщину и поймав ее взгляд, Бёрк понял, что не может отвести глаз.

– Ладно. Это не входит в мои обязанности, но я чувствую, что вы достаточно окрепли, чтобы это выдержать. Пятьдесят семь лет.

Число обрушилось на нее, как кувалда. Как пятьдесят

семь кувалд. Сильнее, чем пробуждение, сильнее, чем первый взгляд на родную планету. Рипли опустилась на матрас. Казалось, что из нее выпустили воздух. Внезапно искусственная гравитация показалась втрое сильнее земной и вдавила ее в кровать. Наполненная воздухом подушка вздулась вокруг головы – обволакивая, угрожая задушить. Медтех бросила взгляд на тревожные сигнальные датчики, но те молчали.

Пятьдесят семь лет. Она спала больше полувека. Друзья постарели и умерли, родные повзрослели и угасли, мир, который она оставила, трансформировался черт знает во что.

Сменялись правительства. Изобретения выходили на рынок, устаревали и забывались. Никто и никогда не переживал больше тридцати пяти лет в гиперсне – системы капсул не справлялись с поддержанием жизни. Она, Рипли, едва выжила. Она раздвинула пределы того, что считалось возможным физиологически, и только ради того, чтобы понять, что пережила саму жизнь.

– Пятьдесят семь!

– Вас пронесло прямо через основные системы, – сказал Бёрк. – Маячок умер. Чистая удача, что команда дальнего поиска поймала вас, когда... – Рипли внезапно побледнела, и он осекся. – С вами все в порядке?

Глаза Рипли были широко раскрыты. Она кашлянула раз, потом другой, сильнее. Почувствовала, как что-то давит на грудь... непонимание на лице сменилось зарождающимся

ужасом. Бёрк попытался дать ей стакан воды с тумбочки, но Рипли ударила его по руке. Стакан упал и разбился. Джонс с воплем прыгнул на пол и зашипел, шерсть его стояла дыбом. Царапая когтями пластиковый пол, кот бросился прочь от кровати. Рипли схватилась за грудь. Начались конвульсии, и она выгнулась. Казалось, Рипли задыхается.

Медтех кричала в интерком:

– Код синий в четыре-пятнадцать! Код синий, четыре-один-пять!

Когда пациентка начала биться на кровати, они с Бёрком схватили ее за плечи, прижимая к матрасу. В комнату ворвались доктор и еще два техника.

Такого не могло случиться. Просто не могло!

– Нет. Не-е-е-е-е-е-еет!

Рипли билась, а медтехи пытались закрепить ремнями ее руки и ноги. Покрывала полетели на пол. Удар ноги отбросил одного медтеха, следующий пробил дыру в бессмысленном стеклянном глазе робота-наблюдателя. Джонс смотрел на свою хозяйку из-под шкафа и шипел.

– Держите ее! – кричал доктор. – Дыхательную трубку, немедленно! И пятнадцать кубиков...

Внезапно простыню окрасило изнутри алым, и ткань начала вздыматься, словно под ней стремилось вверх что-то незримое. Потрясенные, доктор с техниками подались назад. А ткань продолжала подниматься.

Рипли отчетливо видела, как простыня скользнула в сто-

рону. Медтех потеряла сознание, а доктор издавал странные задыхающиеся звуки. Из развороченной груди спасенной появился безглазый зубастый червь. Существо медленно поворачивалось, пока усеянный зубами рот не оказался всего в нескольких десятках сантиметров от лица носителя. И тогда оно пронзительно завизжало. Этот крик заглушил все человеческие звуки. Он заполнил слух Рипли, перегрузил онемевший разум, отдавался эхом, заставлял вибрировать все ее существо, пока она не...

...села в постели с криком. Рипли была одна в темной госпитальной комнате. Светились разными цветами насекомоподобные точки диодов. Судорожно схватившись за грудь, Рипли пыталась вновь обрести дыхание, выбитое кошмаром. Ее тело было целым: ребра, мускулы, сухожилия, связки — все было на месте и работало, как должно. Никакой безумный монстр не рвался из ее груди, не происходило мерзкого рождения. Рипли судорожно вертела головой, оглядывая комнату. Ничто не таилось на полу, ничто не пряталось за шкафами, выжидая, пока она утратит бдительность. Только бесшумные машины следили за ее состоянием, а удобная кровать исполняла их инструкции. По коже Рипли, несмотря на приятную прохладу, ручьями струился пот.

Рипли все так же прижимала кулак к груди, словно ей необходимо было это постоянное свидетельство того, что тело осталось целым. Засветился установленный над кроватью монитор, и она дернулась. С экрана на Рипли с беспокой-

ством смотрела пожилая женщина – ночной медтех. Участие на ее лице было искренним, а не просто профессиональным.

– Снова дурные сны? Хотите принять снотворное?

Манипулятор с жужжанием завис слева от руки Рипли. Та взглянула на него с неприязнью.

– Нет. Я уже достаточно спала.

– Хорошо. Вам виднее. Если измените решение, просто нажмите кнопку вызова у кровати.

Медтех прервала связь, и экран погас.

Рипли медленно откинулась на поднявшееся изголовье и коснулась одной из множества кнопок, встроенных в тумбочку. И снова экран, который закрывал дальнюю стену, убрался в потолок. Она вновь смотрела наружу. За куском Узловой станции, разукрашенной яркими огнями, виднелась окутанная ночной пеленой Земля. Ключья облаков скрывали булабочные головки далеких огней. Жители городов пребывали в блаженном неведении о жестокости безразличного космоса.

Что-то вспрыгнуло на постель рядом с ней, но на этот раз Рипли не вздрогнула. Это существо было знакомым и настойчивым, и Рипли крепко прижала его к себе, игнорируя обычный протестующий мям.

– Все хорошо, Джонс. Мы выбрались, мы в безопасности. Прости, что я тебя напугала. Теперь все будет хорошо. Все будет хорошо.

Конечно, будет. Не считая того, что ей придется снова

учиться спать.

Через тополиную рощу пробивались лучи света. За деревьями виднелся луг, по зелени которого брызгами раскинулись яркие островки колокольчиков, маргариток и флоксов. У дерева прыгала малиновка, охотясь за насекомыми. Птица не замечала сильного, мускулистого хищника, который не сводил с нее глаз. Малиновка повернулась хвостом, и хищник прыгнул.

Джонс врезался в проекцию птицы. Добыча ему не досталась, а изображение малиновки, даже не дрогнув, продолжило радостно охотиться за нарисованными насекомыми. Тряся головой, кот отошел от стены. Рипли села на скамейку, наблюдая за игрой Джонса.

– Глупый кот. Ты так и не научился распознавать проекции?

Хотя, наверное, не стоило так строго судить Джонса. За последние пятьдесят семь лет качество изображений улучшилось. Все стало лучше за последние пятьдесят семь лет.

За исключением ее самой и Джонса.

Внутренний дворик отгораживали от остальной станции стеклянные двери. Качественная картинка североамериканского смешанного леса оттенялась растениями в горшках и вялой травой под ногами. Проекция выглядела более реальной, чем живые растения, зато последние хотя бы по-настоящему пахли.

Рипли наклонилась к одному из горшков. Земля, влага и растущие штуки.

«О капусте и королях⁴, – мрачно подумала она. – Полная чушь».

Ей хотелось выбраться с Узловой станции. Земля виднелась искусительно близко, и Рипли с нетерпением ждала момента, когда между ней и жуткой пустотой космоса раскинется голубое небо.

Двойные двери разошлись в стороны, пропуская во дворик Картера Бёрка. На миг Рипли увидела в нем мужчину, а не просто функционера Компании. Возможно, это можно было считать признаком возвращения к норме. Правда, ее влечение несколько нивелировал тот факт, что на момент обреченного рейса «Ностромо» до рождения Бёрка оставалось еще два десятилетия. Хотя это не должно было иметь значения. Физически они были примерно одного возраста.

С лица Бёрка не сходила приветливая улыбка.

– Извини. Все утро ношусь, как белка в колесе, только-только вырвался.

Рипли никогда не любила пустых разговоров, а теперь жизнь более чем когда-либо казалась ей слишком ценной, чтобы спускать минуты на бессмысленную болтовню. Почему люди не могут просто сказать, что им нужно, вместо того,

---

⁴ Аллюзия на стихотворение «Морж и Плотник» из «Алисы в Зазеркалье» Л. Кэрролла. В переводе К. Чуковского: «...О башмаках и сургуче, Капусте, королях, И почему, как суп в котле, Кипит вода в морях».

чтобы по пять минут плясать вокруг да около?

– Они еще не нашли мою дочь?

Бёрк замялся:

– Ну, я хотел подождать с этим до завершения дознания.

– Я ждала пятьдесят семь лет. У меня закончилось терпение. Подыграй мне.

Бёрк кивнул, положил на скамейку кейс, откинул крышку и начал рыться внутри. Спустя минуту он достал несколько листов тонкого пластика.

– Она?..

Бёрк начал читать:

– Аманда Рипли-Макларен. Полагаю, это фамилия мужа. Шестьдесят шесть лет... на момент смерти. Это случилось два года назад. Здесь полное жизнеописание. Ничего особенного или примечательного. Обычная приятная жизнь, как у большинства людей. Мне очень жаль, – он передал Рипли листы и посмотрел ей в глаза. – Приношу свои соболезнования.

Рипли рассматривала голографическое изображение, встроенное в один из листов. Полная бледная женщина на седьмом десятке могла сойти за чью угодно тетюшку. В лице не было ничего узнаваемого, никакого сходства, которое бросалось бы в глаза. Рипли никак не могла соотнести эту пожилую женщину с воспоминанием о маленькой девочке, которую оставила.

– Эми, – прошептала она.

Пока Рипли, не отрываясь, смотрела на голограмму, Бёрк, в руках у которого оставалось еще несколько листов, молча читал.

– Рак. Хм. Люди так и не смогли одолеть все его разновидности. Тело кремировали. Прах погребен в хранилище Вестлейк, Литл Шут, Висконсин. Детей не было.

Рипли смотрела за плечо Бёрка, на проекцию леса, но видела не его, а незримый пейзаж прошлого.

– Я обещала, что вернусь домой к ее дню рождения. К одиннадцатилетию. Эту дату я точно пропустила, – она снова посмотрела на голограмму. – Что ж, к тому времени она уже научилась ни на грамм не верить моим обещаниям. По крайней мере, тем, которые зависели от расписания полетов.

Бёрк кивнул, пытаясь придать лицу сочувствующее выражение. Это давалось ему нелегко даже при нормальных обстоятельствах, не говоря уже об этом утре. По крайней мере, ему хватило такта промолчать вместо того, чтобы пробормотать какую-нибудь вежливую бессмыслицу.

– Знаешь, всегда кажется, что сумеешь как-то загладить вину, – Рипли сделала глубокий вздох. – Но теперь у меня этого не получится. Никогда.

И тогда, с большим запозданием, она заплакала. Опоздав на пятьдесят семь лет. Рипли сидела на скамейке и тихо всхлипывала. Слово «одиночество» только что обрело новую грань.

Наконец Бёрк успокаивающе похлопал ее по плечу. Такое

проявление эмоций причиняло ему неловкость, и он изо всех сил старался этого не показать.

– Слушания начнутся в девять тридцать. Тебе не стоит опаздывать. Это создаст дурное впечатление.

Рипли кивнула и встала.

– Джонс. Джонси, иди сюда.

Кот с мяуканьем подошел к ней и позволил взять себя на руки. Рипли неловко вытерла глаза.

– Мне нужно переодеться. Это быстро.

Она потерлась носом о кошачью спину. Джонс перенес этот возмутительный поступок без единого звука.

– Хочешь, провожу до комнаты?

– Конечно. Почему бы и нет?

Бёрк двинулся к коридору, и двери разошлись в стороны, выпуская их из садика.

– Ты знаешь, кот – это нечто вроде особой привилегии. Домашние животные на Узловую не допускаются.

– Джонс – не домашнее животное, – Рипли почесала кота за ушами. – Он – выживший.

Как Рипли и обещала, она управилась быстро. Оставалось еще полно времени. Бёрк предпочел дожидаться ее у дверей, занявшись собственными отчетами, и перемена оказалась поразительной. Не было больше ни бледной восковой кожи, ни горького выражение лица, походка обрела уверенность.

«Решимость, – гадал Бёрк, пока они шли к главному коридору, – или просто умелый макияж?»

Оба молчали, пока не подошли к подуровню, на котором находился зал заседаний. Наконец Бёрк заговорил:

– Что ты им скажешь?

– А что тут еще говорить, кроме того, что уже сказано? Ты читал мои показания. Они полные и точные. Никаких приукрашиваний – в них не было нужды.

– Послушай, я тебе верю, но там собрались тяжеловесы. И все они будут искать дыры в твоём рассказе. Там будут федералы, Межзвездная торговая комиссия, колониальная администрация, ребята из страховой...

– Я поняла.

– Просто расскажи им, что случилось. Главное – сохраняй спокойствие и не поддавайся эмоциям.

«Конечно, – подумала Рипли. – Все мои друзья, товарищи по команде и родственники мертвы, я потеряла пятьдесят семь лет жизни во сне. Сохранять спокойствие и не поддаваться эмоциям. Само собой».

Несмотря на твердое намерение последовать этому совету, к полудню Рипли никак нельзя было назвать спокойной и собранной. Повторы одних и тех же вопросов, все те же идиотские обсуждения предоставленных ею фактов, обстоятельное изучение мелких деталей при игнорировании главного – все вместе это злило Рипли и приводило в отчаяние.

Пока она отвечала суровым членам комиссии, большой экран за ее спиной показывал фотографии и досье. Рипли была рада, что этого не видит: там мелькали лица команды «Ностромо». Паркер с идиотской ухмылкой на лице. Спокойный и скупающий Бретт. Там были лица и Кейна, и Ламберт. Предатель Эш, чье бездушное лицо оживляла фальшивая запрограммированная благонамеренность. Даллас...

Даллас. Лучше оставить фотографию за спиной, как и воспоминания. Наконец она не выдержала.

– У вас что, уши забиты? Мы сидим тут три часа. Сколько раз мне еще пересказывать одно и то же? Если вы думаете, что на суахили прозвучит лучше, достаньте мне переводчика, и будет вам суахили. Я бы рассказала по-японски, но практики давно не было. И терпения у меня тоже больше нет. Сколько вашему коллективному разуму нужно времени, чтобы принять решение?

Ван Левен сложил пальцы и нахмурился. Выражение его лица было таким же серым, как и его костюм. Лица членов совета директоров выглядели так же. В официальной комиссии по расследованию их было восемь, и ни один не казался дружелюбно настроенным. Директора. Администраторы. Оценщики. Как их убедить? Они казались не людьми, а воплощением бюрократического неодобрения. Призраками. А Рипли привыкла иметь дело с реальностью. Сложные маршруты политико-корпоративного лавирования были ей не под силу.

– Все не так просто, как вам, видимо, кажется, – тихо сказал Ван Левен. – Посмотрите на ситуацию с нашей точки зрения. Вы легко признаетесь в том, что взорвали двигатели и тем самым уничтожили межзвездный буксир М-класса. Довольно дорогое изделие.

Представитель страховщиков являлся, вероятно, самым несчастным человеком из всей комиссии.

– Сорок два миллиона в скорректированных долларах. Разумеется, за вычетом груза. После взрыва двигателей не осталось ничего, что можно было бы восстановить, даже если бы нам удалось найти обломки спустя пятьдесят семь лет.

Ван Левен отсутствующе кивнул и продолжил:

– Дело не в том, что мы вам не верим. Записи в летном журнале спасательной шлюпки подтверждают некоторые из упомянутых вами событий. Так, в указанное время «Ностро-мо» действительно приземлился на LV-426, необследованную планету, на которую до тех пор никто не высаживался. Был проведен ремонт. После небольшой задержки корабль продолжил свой путь и впоследствии был запрограммирован на самоуничтожение, что и произошло. Приказ на перегрузку двигателей был отдан вами. По неизвестной причине.

– Послушайте, я же говорила...

Ван Левен, который это уже слышал, не дал Рипли закончить:

– Тем не менее, в журнале нет никаких записей о враждебной внеземной жизненной форме, которую вы, якобы, подо-

брали во время короткого пребывания на поверхности планеты.

– Мы его не «подобрали», – выплюнула Рипли. – Как я и говорила, оно...

При виде пустых холодных лиц она осеклась. Не стоило тратить слова. Она стояла не перед настоящим следственным комитетом. Это было исключительно формальное событие, собрание после похорон. Задачей было не установить истину и определить виновника, а просто скруглить углы, сделать так, чтобы все снова стало красиво и гладко. И теперь Рипли понимала, что ничего не может с этим поделать. Ее судьбу решили еще прежде, чем она вошла в эту комнату. Расследование было лишь спектаклем с фальшивыми вопросами. Просто для отчетности.

– Значит, кто-то подправил записи. Умелый техник справится с этим за час. У кого был доступ?

Управление внеземной колонизации представляла женщина под шестьдесят лет. До сих пор она выглядела скучающей, а теперь откинулась в кресле и медленно покачала головой:

– Послушайте сами себя. Вы действительно ждете, что мы поверим в некоторые из вещей, о которых вы рассказываете? Слишком долгий гиперсон может оказывать занятное влияние на сознание.

Рипли, разъярясь от собственной беспомощности, бросила на нее злой взгляд:

– Хотите услышать кое-что занятное?

Вмешался Ван Левен:

– Команда аналитиков проверила ваш шаттл сантиметр за сантиметром и не обнаружила ни одного физического свидетельства присутствия описанного вами существа или чего-либо с ним сходного. Не обнаружено повреждений внутри шлюпки. Нет признаков коррозии металлических поверхностей, которую могла бы вызвать неизвестная кислота.

Рипли все утро держала себя в руках, терпеливо и с пониманием отвечая на самые бессмысленные вопросы. Запас ее спокойствия и благоразумия иссякал.

– Это потому, что я выкинула его из шлюза! – заявление встретила могильная тишина, и она чуть понизила голос. – Как я уже говорила.

Страховщик наклонился вперед и посмотрел вдоль стола на представителя Управления внеземной колонизации.

– На LV-426 есть какие-то местные виды, похожие на этот «враждебный организм»?

– Нет, – женщина просто истекала уверенностью. – Это скала. Там не существует местных жизненных форм крупнее вируса. Точно ничего сложного. Нет даже плоских червей. Никогда не было и никогда не будет.

Пытаясь сохранять спокойствие, Рипли стиснула зубы.

– Я вам уже говорила, это был не местный организм, – она попыталась заглянуть кому-нибудь в глаза, но собравшиеся отворачивались, поэтому Рипли сосредоточилась на

Ван Левене и представителе Управления внеземной колонизации. – С поверхности исходил сигнал. «Ностромо» принял его и пробудил нас из гиперсна в соответствии со стандартными правилами. Проследив сигнал до источника, мы обнаружили космический корабль, какого не видели ни вы, ни кто-либо еще. Это тоже было на записях. Корабль был брошен. Он разбился, экипаж его покинул... мы так никогда и не узнали, что случилось. Мы прошли до автоматического маяка. Нашли пилота этого корабля, и такого существа тоже никто не видел прежде. Он сидел в кресле, мертвый, с дырой в груди размером с баллон для сварки.

Возможно, ее рассказ встревожил представительницу колониальной администрации. Или она просто устала это выслушивать невесть в какой раз. В любом случае, женщина сочла, что ответить стоит именно ей:

– Скажем прямо, мы обследовали более трех сотен планет, и никто никогда не сообщал о существовании создания, которое, говоря вашими словами, «развивается в живом человеке» и «имеет концентрированную молекулярную кислоту вместо крови».

Рипли посмотрела на Бёрка, который молча сидел в конце стола. Он не входил в комиссию по расследованию, поэтому в ходе допроса не проронил ни слова. Не то чтобы он мог чем-то ей помочь. Все зависело от того, как примут ее официальную версию потери «Ностромо». Без подкрепляющих точку зрения Рипли записей в журнале спасательной шлюп-

ки комиссия могла опираться только на ее слова. А то, насколько мало веры было тут словам, до Рипли ясно донесли еще в начале встречи. Она снова задумалась о том, кто и зачем мог бы изменить записи. Или, возможно, произошла простая техническая неполадка? В данном случае это не имело большого значения. Рипли устала от этих игр.

– Слушайте, я понимаю, к чему вы клоните, – она безразлично улыбнулась краем рта. Ей подали крученный мяч, но она все равно собиралась попытаться его отбить, пусть даже без шанса на победу. – Все это дело с андроидом – то, почему мы изначально пошли на сигнал маяка – оно укладывается в единую картину, хотя я и не могу ничего доказать, – она осмотрела членов комиссии с первого до последнего и на этот раз ухмыльнулась по-настоящему. – Кое-кто прикрывает своего Эша, и было принято решение свалить все дерьмо на меня. Хорошо, пускай. Но одну вещь вы не сможете изменить или скрыть. Те твари – они существуют. Вы можете уничтожить меня, но они останутся. Там, на планете, лежит чужой корабль, на котором ждут тысячи яиц. Тысячи. Вы понимаете? Понимаете, что это значит? Я предлагаю взять координаты из летного журнала и отправить туда экспедицию. И поскорее. Найти его и разобраться – предпочтительно при помощи орбитальной бомбардировки, – прежде чем одна из ваших исследовательских команд вернется с сюрпризом.

– Спасибо, офицер Рипли, – начал Ван Левен. – Этого доста...

– Потому что всего одна такая тварь, – перебила его Рипли, – убила всю мою команду за двенадцать часов после того, как вылупилась.

Руководитель поднялся. Не только у Рипли закончилось терпение.

– Спасибо. Мы закончили.

– Нет! – Рипли вскочила и яростно уставилась на него. – Если эти твари доберутся до Земли – вот тогда все будет кончено. Останется только поцеловаться на прощание. И ничего больше!

Представитель Управления внеземной колонизации спокойно повернулась к главе комиссии.

– Думаю, у нас достаточно информации. Я считаю, пришло время прекратить слушания и удалиться для принятия решения.

Ван Левен оглядел членов комиссии. С тем же успехом он мог бы смотреться в зеркало: в позах и выражениях лиц не было никакой разницы. Они пришли к единому мнению.

Тем не менее, оставались вещи, которые не стоило выражать открыто. Это плохо смотрелось бы в отчетах. Правильно составленные отчеты были превыше всего.

– Господа? Дамы?

Согласные кивки в ответ. Ван Левен повернулся к предмету дискуссии.

«Скорее уж объекту вивисекции», – угрюмо подумала Рипли.

– Офицер Рипли, если вы нас извините...

– Это вряд ли.

Рипли, которую трясло от разочарования, повернулась к выходу. С экрана на нее безучастно смотрело изображение Далласа. Капитан Даллас. Друг Даллас. Товарищ Даллас.

Мертвый Даллас.

Рипли, зло печатая шаг, вышла в коридор.

Больше говорить было не о чем. Ее признали виновной, и теперь собираются устроить честный суд. Формальности. Компания и ее приятели обожали формальности. Смерть и трагедия ничего не стоят, если из них убрать все эмоции. После этого можно уложить их в годовой отчет. Следовательно, требовалось провести расследование, в ходе которого чувства переработали в аккуратные колонки цифр. Еще нужно было вынести вердикт. Только не слишком громко, чтобы соседи не услышали. Ничто из этого на самом деле не волновало Рипли. Не тревожило ее и неотвратимое завершение карьеры. Но она не могла простить беспросветный идиотизм, который витал над всемогущей комиссией. Значит, они ей не поверили. Это Рипли могла понять, учитывая склад их умов и отсутствие твердых доказательств. Но полностью проигнорировать ее рассказ, отказаться его проверять – такого она простить не могла. Потому что на кону стояло больше, чем одна паршивая жизнь или ничем не примечательная карьера офицера транспортника. А им было все равно. Им было все равно, потому что они не видели ни прибыли, ни убытков.

Бёрк принес кофе и пончики из автомата. Машина, приняв кредитку, вежливо его поблагодарила. Как и почти все на Узловой станции, автомат ничем не пах. Не было запаха и у черной жидкости, которую он выдал. Что до пончиков, то, возможно, они когда-то пролетели над пшеничным полем. Рипли пнула стену рядом с представителем Компании.

– Видела, подруга, как они к тебе в рот заглядывали? – попробовал подбодрить ее Бёрк.

Ему это не удалось, но Рипли все равно была благодарна за попытку. Не стоило вымещать на нем злость. К тому же несколько пакетиков сахара и искусственные сливки придали эрзац-кофе хоть какой-то вкус.

– Они приняли решение еще прежде, чем я вошла в комнату. Зря потратила целое утро. Им стоило отпечатать сценарий, чтобы все, включая меня, могли просто зачитать реплики. Было бы проще сказать им то, что они хотели услышать, а не пытаться вспомнить, как все было на самом деле, – она посмотрела на Бёрка. – Знаешь, что они думают?

– Представляю, – он откусил кусочек пончика.

– Они думают, что я псих.

– Ты и есть псих, – весело ответил Бёрк. – Возьми пончик. Шоколадный или пахтовый?

Рипли с отвращением смирив взглядом предложенные кольца.

– Ты их различаешь по вкусу?

– Нет, но цвета красивые.

Рипли не улыбнулась ему, но и насмехаться не стала.

На то, чтобы «принять решение», много времени не понадобилось. Войдя в зал и заняв снова свое место, Рипли подумала, что для затягивания не было причин.

Бёрк сел в кресло на дальнем конце стола. Он было подмигнул ей, но на середине жеста передумал. Рипли поняла, что означало это подергивание глаза, и порадовалась, что Бёрк не довел его до конца.

Ван Левен прокашлялся. Он не считал нужным оглядываться на членов комиссии для поддержки.

– Комиссия по расследованию установила, что уорент-офицер Эллен Рипли, NOC-14672, принимала решения, сомнительные с позиции здравого смысла. Вследствие этого она признается непригодной для исполнения обязанностей офицера коммерческого судна.

Если члены комиссии ждали от осужденной какой-то реакции, их ждало разочарование. Рипли сидела, плотно сжав губы, и вызывающе смотрела на них в ответ. Но скорее собравшиеся испытали облегчение, ведь эмоциональные вспышки пришлось бы вносить в протокол. Ван Левен, не подозревая о том, что Рипли мысленно нарядила его в черный плащ с капюшоном, продолжал говорить:

– Таким образом, действие ее лицензии приостанавливается на неопределенный срок, вплоть до переоценки, вре-

мя для которой будет объявлено позднее, — он прокашлялся. — Принимая во внимания необычайно долгое время, проведенное ответчицей в гиперсне, и сопутствующие этому неопределяемые последствия для человеческой нервной системы, комиссия приняла решение на этот раз не выдвигать уголовных обвинений.

«На этот раз», — мрачно повторила Рипли.

На корпоративном сленге это означало: «держи рот на замке, держись подальше от СМИ, и тогда ты все-таки получишь свою пенсию».

— Вас выпускают под собственную ответственность. За этим последует шестимесячный срок психометрического надзора, включая ежемесячную оценку со стороны официального психотехника, а также уход или лечение согласно предписаниям.

Все было быстро, гладко и вовсе не мило, так что Рипли не проронила ни слова, пока Ван Левен, закончив говорить, не удалился. Бёрк заметил выражение лица Рипли и попытался ее удержать.

— Погоди, — прошептал он. — Все кончено.

Рипли сбросила его руку и двинулась по коридору. Ускоряя шаг, она бросила через плечо:

— Точно. Что еще они могут мне сделать?

Она догнала Ван Левена у лифта.

— Почему вы не хотите проверить LV-426?

– Мисс Рипли, это уже неважно. Решение комиссии окончательное.

– К черту решение комиссии. Мы не обо мне сейчас говорим, а о следующих бедолагах, которые обнаружат тот корабль. Просто скажите, почему вы не хотите проверить ту планету.

– Потому что в этом нет необходимости, – резко ответил Ван Левен. – Люди, которые там живут, все изучили годы назад, и они никогда не сообщали о «враждебных организмах» или инопланетном корабле. Вы считаете меня полным идиотом? Вы думаете, комиссия не озаботилась поиском хоть каких-то доказательств, хотя бы для того, чтобы защититься от вопросов в будущем? И, к слову, жители называют эту планету Ахерон.

Пятьдесят семь лет. Долгий срок. Люди многое могли сделать за пятьдесят семь лет. Отстроиться, переехать, основать новые колонии. Рипли с трудом понимала слова администратора.

– О чем вы говорите? Какие жители?

Ван Левен вошел в лифт вместе с другими ожидающими. Рипли вставила руку между створками, не давая им закрыться. Двери покорно ожидали, пока помеху уберут.

– Те, которые занимаются терраформированием, – объяснил Ван Левен. – Планетарные инженеры. В этой области многое произошло, пока вы спали, Рипли. Мы далеко продвинулись, совершили несколько крупных скачков. Кос-

мос – негостеприимное место, но ситуация меняется. Мы называем это «колонии быстрого приготовления». Сначала они установили атмосферные преобразователи, чтобы сделать воздух пригодным для дыхания. Теперь подобное возможно, причем эффективно и недорого – лишь бы нашлась хоть какая-то местная атмосфера, с которой можно работать: водород, аргон, а лучше всего – метан. Ахерон купается в метане с примесью кислорода и достаточным количеством азота для первичных соединений. Пока что это только начало. Воздухом там едва можно дышать. Но время, терпение и тяжелый труд превратят Ахерон в еще один обитаемый мир, готовый принять и обогреть людей. Разумеется, не бесплатно. Компания – не филантропская организация, хотя нам приятно думать, что наши действия способствует дальнейшему прогрессу человечества. Это огромная работа длиной в десятилетия. Люди занимаются Ахероном уже больше двадцати лет. Мирно.

– Почему вы мне об этом не сказали?

– Потому что у нас возникло ощущение, что данные сведения могут оказать влияние на ваши показания. Лично я считаю, что разницы бы не было. Очевидно, что вы верите в свои слова. Но некоторые мои коллеги придерживались иного мнения. Я сомневаюсь, что это изменило бы наше решение.

Двери попытались закрыться и разошлись снова. Другие пассажиры начали проявлять нетерпение.

– Сколько колонистов?

Ван Левен нахмурился.

– По последним цифрам, кажется, шестьдесят, может, семьдесят семейств. Мы обнаружили, что люди лучше работают, если их не разлучать с семьей. Так получается дороже, но этот подход окупается в долгосрочной перспективе и дает людям ощущение настоящей колонии, а не просто инженерной станции. Некоторым женщинам и детям приходится тяжело, но по завершении смены они могут спокойно выйти на пенсию. От этого выигрывают все.

– Господи боже, – прошептала Рипли.

Один из пассажиров наклонился вперед и желчно сказал:

– Простите?..

Рипли рассеянно опустила руку. Двери лифта, которых больше ничто не останавливало, беззвучно закрылись. Ван Левен уже забыл о Рипли, и она тоже о нем больше не думала. Вместо этого Рипли всматривалась в собственное изображение.

То, что она там видела, ей не нравилось.

II

Это было не лучшее время, и – совершенно определено – наихудшее место. Повинуясь неземным метеорологическим силам, ветра Ахерона беспрестанно утюжили бесплодную поверхность планеты. Ветра были не менее стары, чем сам этот каменистый мир. Не имея нужды состязаться с океанами, они бы уже несколько миллиардов лет назад выгладили пейзаж, но спрятанные глубоко в базальтовой оболочке беспокойные силы постоянно вздымали новые горы и плато. Ветра Ахерона сражались с породившей их планетой.

Прежде их безостановочному полету ничего не мешало. Ничто не останавливало песчаных бурь, ничто не сопротивлялось штормовым порывам вместо того, чтобы просто смириться перед их властью над воздушной стихией. А затем на Ахерон пришли люди и объявили его своим. Не сегодняшний Ахерон, – скопление изломанных камней и пыли, тускло блестевшей в желтоватом воздухе, – а ту планету, какой он станет после того, как атмосферные преобразователи закончат работу. Первым делом они переделают саму атмосферу, и метан уступит первенство кислороду и азоту. Затем усмирят ветра и землю. В итоге получится приятный климат, который породит снег и дожди, даст жизнь всходам.

Это станет наследством, которое настоящее оставит будущим поколением. А пока обитатели Ахерона занимались

преобразователями и пытались воплотить мечту в реальность, выживая на рации из решимости, юмора и раздутых зарплат. Им не прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как Ахерон превратился в землю, где текут молочные реки. Это застанет только Компания: в отличие от ее служащих, Компания была бессмертна.

Проявления чувства юмора, общего для всех первооткрывателей, живущих в тяжелых условиях, можно было заметить по всей колонии. Самым ярким стал стальной щит, установленный на бетонных колоннах за последним отстроенным зданием:

НАДЕЖДА ХАДЛИ – НАСЕЛЕНИЕ 159

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АХЕРОН!

Под надписью какой-то местный остряк без официального разрешения добавил нестираемой краской: «Хорошего дня». Ветра не обращали на пожелание никакого внимания. Летучие частички песка и каменной крошки разъели большую часть пластины. А новый – по милости атмосферных

преобразователей – обитатель Ахерона добавил собственный комментарий коричневыми разводами: первые дожди принесли с собой первую ржавчину.

За щитом располагалась сама колония: скопление похожих на бункеры металлических и пластикритовых зданий. Их соединяли тоннели, казавшиеся слишком хрупкими, чтобы выдержать ветра Ахерона. Окружающий пейзаж – избитые ветром скалы и крошащиеся склоны гор – казался более впечатляющим, но постройки почти не уступали им по крепости и были значительно уютнее. Они успешно противостояли штормам и пока еще разреженной атмосфере, защищая людей, которые работали внутри.

Вездеходы на высоких колесах и другие машины ползали по открытым дорогам между постройками, скрываясь затем в подземных гаражах, подобно мокрицам. На коммерческих зданиях судорожно мерцали неоновые огни, рекламируя немногочисленные, но основательные развлечения с просто возмутительным ценником. Платили за них без возражений. Там, где люди получали большие деньги, всегда появлялись небольшие предприятия, которыми управляли мужчины и женщины с большими надеждами. Компанию такие мелкие обороты не интересовали, но она с удовольствием продавала концессии желающим.

За колонией возвышался первый атмосферный преобразователь на термоядерной энергии. Он выбрасывал в газовую оболочку планеты непрерывный поток очищенного воздуха.

Твердые частицы и опасные газы удалялись либо сжиганием, либо химическим разложением, а кислород и азот выбрасывались обратно в сумрачное небо. Процессор втягивал непригодный воздух и выдавал обратно хороший. Процесс был несложным, просто занимал время и обходился очень дорого.

Но это ничто, если сравнить с ценностью нового обитаемого мира. К тому же, Ахерон был не так плох, как некоторые другие миры, куда Компания вкладывала деньги. Здесь, по крайней мере, существовала пригодная к изменению атмосфера.

Гораздо проще подстроить состав воздуха, чем создать его с нуля. К тому же гравитация на Ахероне была близка к нормальной. Настоящий рай.

Правда, яростное сияние, исходящее из верхушки похожего на вулкан атмосферного преобразователя, намекало во все не на райский образ. И символизм этот не избежал внимания колонистов, но лишь породил еще несколько шуток. Люди прибыли на Ахерон не ради погоды. Среди колонистов не было мягкотелых людей, и в коридорах станции не встречалось бледных, безвольных лиц. Даже дети выглядели крутыми. Не в смысле грубости или хулиганства, просто сильными как снаружи, так и внутри. Хулиганам тут места не было. Необходимости сотрудничества учились рано. Дети на Ахероне выросли быстрее, чем на Земле или в более изобильных, мягких мирах. Вместе с родителями они

составляли особую породу уверенных в своих силах и одновременно – полагающихся друг на друга людей. Породу эту нельзя назвать уникальной: их предшественники путешествовали на фургонах вместо космических кораблей.

Думать о себе как о первопроходце... это облегчало жизнь. И звучало куда лучше, чем цифры в обозначении должности.

В центре этого скопления людей и машин стояло высокое здание, которое называли Управлением. Оно поднималось выше любой другой искусственной постройки на Ахероне, не считая станций преобразования атмосферы. Снаружи Управление выглядело просторным, внутри же не нашлось бы даже метра свободного пространства. Аппаратура громоздилась в углах, ею были набиты технические этажи под узкими коридорами и служебные проходы над подвесными потолками. И все равно места вечно не хватало. Люди все больше теснились, чтобы освободить пространство для компьютеров и обслуживающих механизмов. В углах, несмотря на непрестанные усилия перевести всю существенную информацию в электронный вид, копились бумаги. Оборудование, поставленное прямо с заводов, быстро покрылось множеством уютных царапин, вмятин и кругов от кофейных кружек.

Управлением, а, следовательно, всей колонией руководили два человека: технический руководитель и его помощник. Друг к другу они обращались по имени: формальности на

фронтире были не в моде. Человек, который настаивал на употреблении званий, обращении на «вы» или высокомерно ссылаясь на ранг, мог вдруг оказаться снаружи без скафандра или коммуникатора.

Этих двоих звали Симпсон и Лайдекер, и чтобы решить, кто из них выглядел более измученным, пришлось бы бросать монетку. Оба производили впечатление людей, которых возлюбленная госпожа по имени Сон лишь поддразнивает, а навещает слишком редко. Лайдекер походил на бухгалтера в поисках совершенной десять лет назад ошибки в удержании налога. Симпсон относился к крупным, дородным людям, которых легче представить управляющими грузовиком, чем колонией. Его рубашка спереди постоянно была в пятнах пота. К несчастью, природа наделила его не только мускулатурой, но и мозгами, и он не смог утаить этого от наблюдателей.

В тот день Лайдекер перехватил Симпсона прежде, чем тот успел сбежать.

– Видел отчет о погоде на следующую неделю?

Симпсон жевал нечто пахучее, оставляющее во рту пятна. Лайдекер подозревал, что вещество это считается нелегальным, но промолчал. Это было делом Симпсона, который, к тому же, являлся его начальником. А еще Лайдекер подумывал о том, чтобы попросить немного и себе. Небольшие пороки на Ахероне не приветствовались, но пока они не влияли на работу, их и не высмеивали. И без того непросто было

сохранить здравый рассудок. И выжить.

– А что с ним? – поинтересовался технический руководитель.

– У нас будет настоящее бабье лето. Скорость ветра упадет аж до сорока узлов.

– Вот хорошо. Надую «ватрушку» и достану крем для загара. Черт, мне хватит, даже если местное солнце хоть на секунду появится.

Лайдекер покачал головой с видом издевательского неодобрения:

– Всегда мало, а? Разве недостаточно просто знать, что оно по-прежнему где-то там?

– Ничего не могу поделать, жадный я. А надо заткнуться и прикинуть, сколько в жизни хорошего, да? Лайдекер, тебе есть, что сказать, или это просто очередной перерыв на кофе длиной в час?

– Таков уж я. Пользуюсь любой возможностью увильнуть от работы. Кажется, следующий шанс будет где-то через пару лет, – он заглянул в распечатку отчета. – Помнишь, несколько дней назад ты посылаи разведчиков к тому высокому плато за Илионским хребтом?

– Ага. Какие-то мечтатели с нашей родины думают, там могут найтись радиоактивные материалы. Так что я вызвал добровольцев, и какой-то парень по имени Джорден поднял клешню. Я им сказал, чтобы поехали-посмотрели, если хотят. Кто-то еще мог двинуться в том же направлении. А что?

– Там сейчас на проводе один парень. Обьездчики, семейное предприятие. Говорит, кое-что тащат домой, спрашивал, признают ли их право на находку.

– И все-то теперь юристами стали. Иногда я думаю, что и самому стоило пойти по этой стезе.

– И разрушить такой изысканный образ? Кроме того, спрос на юристов тут невелик. Да и зарабатываешь ты больше.

– Напоминай мне об этом почаще. Помогает. – Симпсон покачал головой и посмотрел на зеленый экран. – Какая-то важная шишка из уютного офиса на Земле велит глянуть по таким-то координатам посреди нигде – и мы идем и глядим. Они не объясняют, зачем, а я не спрашиваю. Не спрашиваю потому, что на запрос уходит две недели, и ответ всегда одинаковый: «не спрашивай». Порой я задумываюсь: ради чего мы вообще стараемся?

– Я тебе только что сказал. Ради денег, – помощник приклонился спиной к консоли. – Так что мне сказать тому парню?

Симпсон повернулся к занимавшему большую часть стены экрану, который показывал созданную компьютером топографическую карту исследованной области Ахерона. Зона эта была не слишком протяженной, и по сравнению с этой местностью пустыня Калахари выглядела Полинезией. Симпсону редко удавалось посмотреть на поверхность Ахерона лично. Обязанности требовали его постоянного при-

сутствия в Управлении, и руководителя колонии это вполне устраивало.

– Скажи ему: как по мне, все, что он нашел – его. Любой человек, у которого кишка не тонка там ползать, заслуживает того, чтобы оставить себе все найденное.

Даже шестиколесный вездеход на огромных шинах, с бронированными боками и антикоррозийным покрытием на днище, не был полностью защищен от погодных условий Ахерона. С другой стороны, мало какое оборудование могло похвастаться полной защитой. Заплаты и сварка превратили некогда гладкую поверхность вездехода в коллаж из металлических пластин, которые держались на пайке и эпоксидном герметике, но машина выдерживала удары ветра и пыли и упрямо взбиралась по склону. Людей, которые укрывались внутри, это устраивало.

В настоящий момент вездеход старательно преодолевал небольшой подъем, выбивая раздутыми шинами клубы вулканической пыли, которую сразу же уносил ветер. Выветренный песчаник и сланец крошились под его весом. Порывы штормового ветра выли вдоль бронированных боков, бились в изъязвленные окошки и иллюминаторы в непрерывных попытках ослепить вездеход и его пассажиров. Но решимость водителей в сочетании с надежным двигателем вели машину все дальше. Мотор успокаивающе урчал, и воздушные фильтры без передышки отсеивали пыль и каменную

крошку, не давая им нарушить неприкосновенность убежища. Вездеходу чистый воздух для дыхания нужен был не меньше, чем людям.

Расс Джорден выглядел не таким потрепанным, как его машина, но все-таки в нем можно было безошибочно опознать человека, который слишком много времени провел на Ахероне. Человека, избитого ветрами, измученного дурной погодой. Это же, пусть и в меньшей степени, относилось к его жене, Энн. А вот к двум детям, которые прыгали в задней части большой центральной кабины, это не относилось. Они скакали и носились вокруг ящиков и оборудования для забора проб, ухитряясь при этом не разбиться. Предки их с раннего возраста учились ездить верхом на чем-то под названием «лошадь». Рывки вездехода не слишком отличались от движений, к которым приходилось принаравливаться на спине чуткого четвероногого животного, и дети освоили это искусство чуть ли не раньше, чем научились ходить.

Несмотря на формальную герметичность вездехода, детские лица и одежду пятнала пыль. Такова была суровая реальность на Ахероне: неважно, как плотно ты все запечатывал, пыль всегда ухитрялась найти дорогу в машины, конторы, дома. Один из ранних колонистов придумал этому феномену название, которое выглядело больше описательным, чем научным: «частичная диффузия». Ахеронская наука. Обладавшие более живым воображением колонисты настаивали на том, что пыль – разумна. Что она затаивается и

ждет, когда приоткроются дверь или окно, после чего целенаправленно бросается внутрь. Домохозяйки в шутку спорили о том, что быстрее: постирать одежду или выбить.

Расс Джорден вел тяжелый вездеход, объезжая вокруг валунов, которые были слишком велики, чтобы через них переехать, прокладывая путь в узких расселинах плато. Его усилия подкреплял непрерывный писк локатора. «Музыка» эта усиливалась по мере того, как они приближались к источнику электромагнитных помех, но Расс упрямо не сбавлял звука. Каждый писк заключал в себе мелодию, подобно звону старых кассовых аппаратов. Энн в это время следила за состоянием вездехода и систем жизнеобеспечения.

– Посмотри на эти жирные, сочные, кривые магнитного поля, – Джорден постучал пальцем по экранчику справа. – И все это мое, мое, мое. Лайдекер сказал, что Симпсон так сказал, и это есть в записи. Теперь они не смогут отобрать у нас находку. Даже у Компании не получится. Мое, все мое.

Жена оглянулась на него с улыбкой.

– Наполовину – мое, дорогой.

– И наполовину мое!

Жизнерадостное надругательство над основами математики исходило от дочери Джорденов, Тритончика⁵. Ей было шесть лет, а, значит, почти десять. В Тритончике крылось

---

⁵ При российском прокате фильма «Чужие» «Ньют» (англ. Newt) не переводилось вовсе, но это не имя, а значимое прозвище, вероятно, данное за активность и любовь лазать. – Примеч. перев.

больше энергии, чем в родителях и вездеходе вместе взятых. Расс, не отрывая взгляда от приборов, нежно ухмыльнулся:

– Слишком много у меня партнеров.

Девочка играла со старшим братом, пока, наконец, полностью его не вымотала.

– Папочка, Тиму скучно, и мне тоже. Когда мы вернемся в город?

– Когда разбогатеет, Тритончик.

– Вечно ты так говоришь, – девочка, гибкая, как выдра, вскочила на ноги. – Я хочу обратно. Хочу играть в «Лабиринт монстров».

Брат встал с ней нос к носу.

– В этот раз будешь играть одна. Слишком много жульничаешь.

– Вот и нет! – Тритончик уперлась кулачками в узкие бедра. – Я просто лучше всех играю, а тебе завидно.

– Не завидно мне! Ты пролазишь в такие места, где мы не помещаемся.

– И что? Вот почему я – лучшая!

Их мать на секунду отвлеклась от экранов и показаний приборов.

– Прекратите. Если узнаю, что кто-нибудь из вас снова играл в воздуховодах, я с вас шкуру спущу. Такие игры не просто нарушают правила колонии, они опасны. Что, если вы оступитесь и свалитесь в вертикальную шахту?

– Ну ма-ам, это ведь совсем глупым надо быть. Кроме то-

го, все дети играют, и еще никто не поранился. Мы осторожные, – Тритончик снова заулыбалась. – И я – лучшая, потому что залезаю в такие места, куда больше никто не может.

– Как маленький червяк, – брат показал ей язык.

Тритончик ответила тем же.

– Бе-бе-бе! Завидно, завидно!

Тим сделал вид, что хочет ухватить ее за язык, и Тритончик с визгом нырнула за переносной анализатор руды.

– Слушайте, – в голосе Энн Джорден звучало больше любви, чем злости, – успокойтесь на пару минут, хорошо? Мы почти закончили и скоро повернем обратно к городу, так что...

Расс Джорден привстал с кресла и уставился на что-то через ветровое стекло. Отложив на время детские ссоры, Энн присоединилась к мужу. Вездеход накренился влево, и ей пришлось ухватиться за плечо мужа, чтобы не упасть.

– Что случилось, Расс?

– Там что-то есть. Облака разошлись буквально на секунду, но я успел это увидеть. Не знаю, что, но оно большое. И – наше. Твое и мое, и детей тоже.

В тени инопланетного корабля вездеход казался крошечным. От кормы древней машины плавно взмывали вверх две арки из чего-то, напоминающего металлическое стекло. Их изящные линии почему-то вызвали тревожное чувство. На расстоянии казалось, что это окоченевший труп тянет руки к небу. Одна арка уступала другой в длине, и все равно это

не нарушало симметрии. Облик корабля казался не менее чуждым, чем использованный для строительства материал. Словно его не построили, а вырастили. Гладкий округлый корпус все еще сохранял стекловидный блеск, который не смог полностью стереть носимый ветрами ахеронский песок. Джорден поставил вездеход на тормоз.

– Ну, ребята, на этот раз нам повезло по-крупному. Энн, доставай скафандры. Интересно, кафе Хадли умеет синтезировать шампанское?

Его жена не двинулась с места, разглядывая корабль через прочное стекло.

– Давай сначала его осмотрим и спокойно вернемся, а потом уже будем праздновать. Может, мы не первые его нашли.

– Ты шутишь? На целое плато ни одного маячка. Никаких знаков снаружи. Никого тут до нас не было. Никого! Корабль полностью наш, – договаривая, он уже шел в заднюю часть помещения.

– Трудно поверить, что такой огромный объект, который так сильно фонит, лежал здесь все это время, и его никто не заметил, – в голосе Энн все еще звучало сомнение.

– Ерунда, – Джорден надевал скафандр, не глядя затягивал ремешки и сводил герметичные швы. Легкость движений говорила о большой практике. – Ты слишком много беспокоишься. Я могу назвать целую кучу причин, почему этот корабль до сих пор не обнаружили.

– Например? – Энн неохотно отвернулась от окна и тоже

начала надевать скафандр.

– Например, от сенсоров колонии его закрывают эти горы, и ты знаешь, что разведывательные спутники в такой атмосфере бесполезны.

– А инфракрасное излучение? – поинтересовалась Энн, застегиваясь.

– Какое еще излучение? Погляди, корабль мертвее мертвого. Наверное, лежит здесь вот так уже несколько тысяч лет. И даже если бы он приземлился вчера, в этой части планеты тебе не поймать инфракрасное излучение. Новый воздух, который выбрасывают процессоры, слишком горячий.

– И как тогда Управление смогло получить координаты? – женщина надевала снаряжение и укладывала в пояс инструменты.

Расс пожал плечами:

– Откуда мне знать? Если тебя это тревожит, выжми ответ из Лайдекера по возвращении. Главное, именно нас они выбрали для проверки. Нам повезло, – он направился к шлюзу. – Пойдем, детка. Давай взломаем сундук с сокровищами. Зуб даю, что внутри этот кораблик битком набит ценными штуками.

Энн Джорден с энтузиазмом, но куда хладнокровнее, чем муж, закрыла клапаны собственного костюма. С Рассом они проверили друг у друга, все ли на месте: кислород, инструменты, фонари, батарейки. Когда они готовы были выйти из вездехода, Энн со щелчком опустила визор шлема и смерила

отпрысков суровым взглядом.

– Дети, оставайтесь внутри. Я серьезно.

– Ну, ма-ам, – лицо Тима затопило выражение детского разочарования. – Можно мне тоже пойти?

– Нет, тебе нельзя тоже пойти. Мы все расскажем, когда вернемся, – и она закрыла дверь.

Тим немедленно подбежал к ближайшему иллюминатору и прижался носом к стеклу. Снаружи сумрачный пейзаж разрезали нашлемные фонари родителей.

– Не понимаю, почему мне нельзя с ними.

– Потому что мамочка так сказала, – Тритончик прижалась к другому окну. Она размышляла о том, во что играть дальше. Огни на скафандрах становились все более тусклыми по мере того, как их родители уходили к странному кораблю.

Что-то схватило ее сзади. Тритончик завизжала и резко обернулась к брату.

– Жульничаешь! – поддразнил тот и заметался по вездеходу в поисках места, где можно спрятаться. Тритончик с воплями носилась следом.

Массивный корпус чужого корабля нависал над парой двуногих существ, которые карабкались по битому камню. Вокруг выл ветер. Пыль скрывала солнце.

– Может, нам кого-нибудь вызвать? – спросила Энн, уставившись на покатуую обшивку.

– Давай сначала узнаем, куда вызывать, – Расс пинком откинул с дороги кусок вулканической породы.

– Как насчет «к странной огромной штуке»?

Расс Джорден повернулся к ней. На его лице за шлемом отчетливо читалось удивление.

– Хэй, милая, в чем дело? Нервничаешь?

– Мы готовимся войти в заброшенный чужой корабль неизвестного типа. Еще бы я не нервничала.

Муж хлопнул ее по спине.

– Просто думай обо всех этих деньгах. Один корабль стоит целое состояние, даже если он пустой. Это бесценный реликт. Интересно, кто его построил, откуда они прилетели, и почему он разбился на этой богом забытой песчаной глыбе? – и голос, и выражение лица его были полны восторга. Он указал на темный провал в боковой части корабля. – Вон там корпус разломан. Давай проверим.

Они направились к отверстию. Подойдя ближе, Энн Джорден с беспокойством всмотрелась в его очертания.

– Я не думаю, что это результат падения. Больше похоже на часть конструкции. Кто бы это ни проектировал, они не любили прямых углов.

– Мне все равно, что они любили. Заходим.

По щеке Тритончика Джорден скользнула единственная слезинка. Девочка уже долго смотрела в лобовое стекло. Наконец она отошла от окна и перебралась к водительскому

месту, чтобы разбудить спящего брата. Но сначала Тритончик шмыгнула носом и вытерла слезу – не хотела, чтобы Тим видел ее плачущей.

– Тимми. Тимми, просыпайся. Их уже давно нет.

Ее брат моргнул, снял ноги с приборной панели и сел прямо. Беспечно глянул на встроенные в панель часы и перевел взгляд наружу, оглядывая мрачный изгрызенный ветром пейзаж. Несмотря на мощную изоляцию вездехода, при выключенном двигателе все равно можно было слышать, как воет ветер. Тим прикусил нижнюю губу.

– Все будет хорошо, Тритончик. Папа знает, что делает.

В этот момент внешняя дверь распахнулась, впуская ветер с пылью. В проеме появилась высокая темная фигура, и Тритончик закричала. Тим вскочил с кресла. Их мать сорвала шлем и отшвырнула его в сторону, не заботясь о том, что может повредить хрупкие приборы. Жилы на ее шее напряглись. С безумным взглядом она протолкалась мимо детей и схватила микрофон с панели управления.

– Мэйдэй! Мэйдэй⁶! Альфа-Кило два-четыре-девять вызывает Управление «Хадли». Повторяю. Альфа-Ки...

Тритончик едва ее слышала. Она стояла, зажав рот обеими руками, втягивая в легкие затхлый воздух. Позади тонко выли фильтры вездехода, пытаясь очистить насыщенную твердыми частицами атмосферу. Тритончик, не отрываясь,

---

⁶ Примечание: международный сигнал бедствия, голосовой аналог «SOS». – Прим. перев.

смотрела на землю за открытой дверью. Там, раскинувшись на спине, лежал ее отец. Неведомо как, ее мать дотащила Расса сюда от чужого корабля.

Что-то прицепилось к его лицу.

Что-то плоское, ребристое, с множеством хитиновых лап, похожих на паучьи. Длинный мускулистый хвост обвивал шею Расса поверх скафандра. Больше всего существо напоминало мутировавшего краба-мечехвоста в мягком панцире. Оно пульсировало. Вверх-вниз, вверх-вниз, как насос. Как машина. Только это был не механизм. Существо было явно, очевидно, непристойно живым.

Тритончик снова начала кричать. И на этот раз она не остановилась.

III

В апартаментах царила тишина, не считая рева настенного экрана, но Рипли не обращала внимания на симпком. Все ее внимание было сосредоточено на дыме, который поднимался от кончика безникотиновой сигареты к потолку. Дым клубился в спертom воздухе, образуя ленивые, туманные узоры.

Несмотря на то, что с утра прошло уже немало времени, Рипли пока что избегала встреч с зеркалом. Все к лучшему. От вида измученного, встрепанного отражения ей стало бы только хуже. А вот апартаменты сохранились лучше. Правда, спартанскую обстановку оживляли всего лишь несколько декоративных элементов, ни один из которых не относился к ее личным вещам. Это было понятно. Рипли пережила все, что когда-то считала личным. В раковине лежала гора грязных тарелок, а посудомойка под ней оставалась пустой.

Рипли была одета в купальный халат, который старился так же быстро, как его хозяйка. В спальне кучей валялись у матраса простыни и покрывала. Джонс, крадучись, пробирался по кухне, охотясь на упавшие кусочки и не находя их. Помещение поддерживало себя в чистоте, невзирая на отсутствие сотрудничества со стороны владелицы.

– Эй, Боб! – вяло проблеял экран. – Слышал, ты с семьей отправляешься в колонии?

– Лучшее мое решение за всю жизнь, Фил, – глупо улыб-

нулось ничтожество с другой стороны. – Начнем новую жизнь с нуля, в чистом мире. Никакой преступности, никакой безработицы...

Вполуха прислушиваясь к диалогу, Рипли саркастически подумала, что эти двое актеров-обманщиков, которые разыгрывали одобренную администрацией сценку, вероятно, жили в дорогом Зеленем поясе на Восточном побережье. В кондоминиумах на Кейп-Код, с видом на Мартас-Винъярд, Хилтон-Хед или еще какое-нибудь незагрязненное и дорогое прибежище для немногочисленных везунчиков, которые умеют ластиться, ворковать и поддакивать, плясать, стоит лишь властным корпоративным вождям щелкнуть пальцами. Ей ничего такого не полагалось. Ни запаха соли, ни прохладного ветра с гор. Пособие от Компании в центральном районе – и ей еще повезло, что досталось хотя бы это.

Вскоре что-нибудь подвернется. Они просто хотят ее придержать, пока не успокоилась. Они с радостью помогут ей пройти переобучение и переехать, после чего – забудут. С облегчением. И это, с точки зрения Рипли, было бы просто замечательно. Иметь дело с Компанией ей хотелось ничуть не больше, чем Компании – с ней.

Если бы они не закрыли ее лицензию, Рипли давно уже убралась бы отсюда подальше...

Дверь издала резкую трель, и Рипли дернулась. Джонс лишь поднял голову и мяукнул, после чего потрусил в ванную. Он не любил гостей. Умное животное.

Рипли отложила сигарету (гарантировано отсутствие канцерогенов, никотина и табака, никакого вреда вашему здоровью – по крайней мере, так утверждала маркировка на пачке) и подошла к двери. Смотреть в глазок она не стала. Здание, в котором она жила, тщательно охранялось. Впрочем, с учетом недавних переживаний, на Земле не оставалось ничего, что могло бы ее испугать.

За дверью обнаружился Картер Бёрк, с обычной своей извиняющейся улыбкой. Рядом с ним стоял молодой мужчина официального вида, одетый в строгую черную форму офицера Колониальной морской пехоты.

– Привет, Рипли. Это, – Бёрк взмахом руки обозначил своего спутника, – лейтенант Горман из...

Захлопнувшаяся дверь оборвала фразу. Рипли повернулась, чтобы уйти, но она забыла выключить питание переговорного устройства. Из скрытых динамиков раздался голос Бёрка:

– Рипли, нам надо поговорить.

– Нет, не надо. Проваливай, Картер. И заberi своего приятеля.

– Не могу. Это важно.

– Не для меня. У меня нет ничего важного.

Бёрк замолчал, но Рипли чувствовала, что он все еще стоит за дверью. Она знала его достаточно хорошо, чтобы понять: так просто этот человек не отступится. Представителя Компании нельзя было назвать настойчивым, но он был со-

вершенным подлизой.

Как оказалось, Бёрку и не потребовалось с ней спорить. Ему хватило одного предложения:

– Мы потеряли связь с колонией на Ахероне.

Стоило Рипли задуматься над возможными причинами этого неожиданного заявления, как ее затопили тяжелые предчувствия. Хотя, вероятно, слова Бёрка не стали полной неожиданностью. Рипли еще помедлила, а потом открыла дверь снова. Выражение лица Бёрка подтверждало, что это не игра. Горман посматривал то на представителя Компании, то на Рипли. Хотя лейтенант пытался это скрыть, было очевидно, что ему неуютно, когда на него не обращают внимания.

Рипли отошла в сторону.

– Заходите.

Бёрк осмотрел апартаменты и, к счастью, промолчал, удержавшись от очевидно лживых банальностей вроде «красиво у тебя тут». Также он воздержался от объективно ложного «хорошо выглядишь». Такая сдержанность вызывала уважение.

Рипли указала на стол.

– Хотите чего-нибудь? Кофе, чай, спритц?

– Кофе, если можно, – ответил Бёрк.

Горман кивнул.

Рипли прошла в кухню и набрала заказ на несколько чашек. Из машины раздалось бульканье.

– Тебе не обязательно приводить с собой солдат, – Рипли слабо улыбнулась Бёрку. – Я уже миновала агрессивную стадию. Так утверждают психотехи, и это записано в карте, – она указала на заваленный дисками и бумагами стол. – Так к чему такое сопровождение?

– Я здесь в качестве официального представителя корпуса, – Горман явно чувствовал себя неуютно, и он охотно уступал право вести разговор Бёрку.

Рипли задумалась о том, сколько ему было известно и что ему о ней рассказали. Был ли он разочарован, не обнаружив здесь какую-нибудь обкуренную старую каргу? Не то чтобы его мнение о ней чего-то стоило.

– Значит, вы потеряли связь, – Рипли сделала вид, словно ей все равно. – И что?

Бёрк опустил взгляд на свой тонкий дипломат в защищенном корпусе.

– Нужно проверить. Быстро. Не работают все средства связи, и это творится слишком долго, чтобы списать на перебои из-за проблем с оборудованием. Ахерону уже несколько лет. Там опытные люди, и у них есть дублирующие системы. Может, они прямо сейчас все налаживают, но мертвая тишина продолжается уж слишком долго. Люди начинают нервничать. Кому-то придется слетать туда и проверить лично. Это единственный способ успокоить беспокойных дурачков. Вероятно, на Ахероне все наладят, пока корабль еще летит, так что вся экспедиция окажется пустой тратой времени и

денег, но лететь нужно.

Бёрку не было нужды уточнять, Рипли уже поняла, куда он клонит. Она вернулась на кухню и принесла кофе. Пока Горман потягивал горячий напиток, она начала мерить шагами комнату. Кабинет для этого был слишком мал, но Рипли все равно пыталась. Бёрк просто ждал.

– Нет, – наконец сказала Рипли. – Ни за что.

– Выслушай только. Это не то, что ты думаешь.

Рипли остановилась в центре комнаты и неверяще на него уставилась.

– Не то, что я думаю? Не то, что я думаю?! Бёрк, мне и думать не надо. Вы, ребята, меня выжали, выпарили и высушили, а теперь ты хочешь, чтобы я туда вернулась? Забудь об этом!

Рипли дрожала. Горман счел это проявлением злости, но на самом деле причина крылась в чистом страхе. Рипли боялась. Боялась до глубины души и пыталась скрыть это под маской негодования. Бёрк понимал, что она чувствует, но все равно продолжал давить. У него не было выбора.

– Послушай, – он пытался, насколько мог, говорить успокаивающим тоном. – Мы не знаем, что там происходит. Если накрылся не наземный передатчик, а спутник связи, то наладить его можно, только послав группу помощи. В колонии нет космических аппаратов. Если проблема именно в этом, то колонисты сообща проклинают Компанию за то, что та сидит на коллективной заднице и не посылает срочно ремонт-

ников. В таком случае не придется даже опускаться на планету. Но мы не знаем, что произошло. И если это не поломка спутника, то я хотел бы, чтобы ты отправилась вместе с командой. В качестве советника. Вот и все.

Горман опустил чашку.

– Вы не пойдете с отрядом, если вылазки вообще будут. Я могу гарантировать вашу безопасность.

Рипли закатила глаза.

– С нами пойдут не какие-то городские полисмены или армия, – с нажимом сказал Бёрк. – Колониальная пехота – крутые парни, и они оснащены новейшим вооружением. Люди и машины. Нет такого, с чем они не смогли бы справиться. Верно, лейтенант?

Горман пренебрежительно улыбнулся:

– Нас обучали справляться с неожиданностями. Мы разбирались с проблемами и на мирах похуже Ахерона. Для таких операций наш процент потерь близок к нулю. После этой экспедиции, полагаю, эта цифра еще немного улучшится.

Если это заявление должно было произвести на Рипли впечатление, то замысел провалился с треском. Она снова посмотрела на Бёрка.

– А как насчет тебя? Ты как в этом замешан?

– Ну, Компания профинансировала колонию на Ахероне совместно с Управлением внеземной колонизации. Вроде как аванс в расчете на права на добычу полезных ископаемых и долю в долгосрочных доходах от развития. Мы дивер-

сифицируем вложения, много инвестируем в терраформирование. Недвижимость в галактических масштабах, строительство лучших миров, и все такое.

– Да-да, – пробурчала Рипли. – Я видела рекламные ролики.

– Корпорация не получит от Ахерона существенной прибыли до того, как завершится терраформирование, но такие крупные проекты опираются на долгосрочную перспективу, – поняв, что это не производит на хозяйку квартиры впечатления, Бёрк сменил тактику. – Слышал, ты работаешь в грузовых доках в порту?

Как и следовало ожидать, ответ Рипли прозвучал настоятельно:

– Верно. И что?

Бёрк проигнорировал ее тон.

– Управляешь погрузчиками, подъемниками, кранами, все такое?

– Другой работы мне не найти. Я свихнусь, если всю жизнь придется прожить на подачки. В любом случае, это позволяет не думать о... обо всем. Выходные хуже. Слишком много времени на размышления. Я предпочитаю быть при деле.

– И тебе нравится такая работа?

– Это ты сейчас шутить пытаешься?

Бёрк поиграл с ручкой дипломата.

– Может быть, для тебя найдется и что-нибудь другое. А если я скажу, что мог бы вернуть тебе звание? Восстано-

вить лицензию? Что Компания готова возобновить твой контракт? Никаких больше разбирательств, никаких проблем с документами. Официальный выговор исчезает из твоей карты. Без следа. Для остального мира ты просто уходила в отпуск. Совершенно нормальная вещь после долгого периода службы. Словно ничего и не было. Это даже не отразится на твоей пенсионной ставке.

– А Управление и страховщики?

– Со страховщиками все улажено, полностью и с концами. Их это не касается. Поскольку в записях ничего не останется, твой коэффициент риска будет не выше, чем до последнего рейса. А те, кто занимаются колониями, и сами хотят, чтобы ты отправилась с командой. Обо всем уже позаботились.

– Если я полечу.

– Если ты полетишь, – кивнул Бёрк и наклонился к ней. Он не просил. Скорее, речь походила на подготовленную презентацию. – Детка, это второй шанс. По большей части, люди, которых лишила должности комиссия по расследованию, никогда не возвращаются. Если проблема всего лишь в спутнике связи, то тебе останется только сидеть в уютном уголке и читать, пока работают техники. Ну, и получать зарплату за полет, лежа в гиперсне. Если согласишься, это сотрет все недоразумения, и ты вернешься на привычное место. Полный рейтинг, полная пенсия и все такое прочее. Я видел твое досье. Еще один долгий вылет, и ты сможешь подавать на капитанскую лицензию. А еще для тебя ничего

лучше нету, как встретиться со своими страхами – и победить их. Тебе нужно вернуть себя, прежнюю.

– Оставь, Бёрк, – холодно ответила Рипли. – Я уже сходила к психиатру на ежемесячную оценку.

Улыбка представителя Компании потускнела, зато голос зазвучал настойчивее:

– Хорошо. Давай тогда сразу к делу. Я читал отчеты врачей. Каждую ночь ты просыпаешься на мокрых от пота простынях. Одни и те же кошмары, снова и снова...

– Нет! Ответ – нет, – Рипли забрала чашки, хотя в обеих еще оставался кофе. Еще один способ отказать. – Пожалуйста, уходите. Простите. Просто уйдите, ладно?

Мужчины обменялись взглядами. По лицу Гормана невозможно было ничего прочитать, но Рипли чувствовала, что первоначальный интерес в нем сменился презрением.

«К дьяволу Гормана. Что он понимает?»

Бёрк сунул руку в карман, достал прозрачную карточку и положил ее на стол. У самых дверей он остановился и улыбнулся Рипли:

– Подумай об этом.

И они ушли, оставив ее наедине с мыслями.

Неприятное общество. Ветер. Ветер и песок, и стонущее небо. Бледный диск чужого солнца дрожал за разорванной атмосферой, как бумажный кружок. Вой становился все громче, переходя в визг, пока не наваливался, лишая воз-

возможности вздохнуть, душа...

Рипли с горловым стоном села в постели, прижимая руки к груди. Она тяжело, болезненно дышала. Сделав особенно глубокий вдох, оглядела крошечную спальню. Тусклый светильник освещал голые стены, туалетный столик и высокий комод. Простыни сбились в ногах. Джонс невозмутимо уставился на Рипли в ответ. Кот лежал в самой высокой точке комнаты – на комод. Эту привычку он приобрел вскоре после их возвращения. Когда они ложились спать, Джонс сворачивался рядом с Рипли, но, стоило ей заснуть, и кот уходил, предпочитая безопасный комод. Он знал, что надвигается кошмар, и оставлял ему довольно места.

Кончиком простыни Рипли вытерла пот с лица. Пальцы шарили по тумбочке, пока не наткнулись на сигарету. Рипли щелкнула по ее кончику и подождала, пока цилиндрик разгорится. Что-то мелькнуло... она резко обернулась. Там ничего не было. Только негромко щелкали часы. В комнате не было ничего. Только она – и Джонс. И уж точно никакого ветра.

Наклонившись влево, Рипли рылась в ящике тумбочки, пока не нашла оставленную Бёрком карточку. Она покрутила ее в пальцах, потом сунула в разъем прикроватной консоли. Экран, занимавший большую часть дальней стены, включился, и на нем немедленно вспыхнула надпись: «ЖДИТЕ».

Рипли нетерпеливо ждала, пока на экране не возникло небритое лицо с заспанными глазами – звонок явно вырвал

Бёрка из крепкого сна. Несмотря на это, он, увидев, кто звонит, ухитрился улыбнуться:

– Да? А, Рипли. Привет.

– Бёрк, скажи мне только одно, – Рипли надеялась, что в комнате достаточно светло, чтобы представитель Компании не просто слышал ее голос, но и видел выражение лица. – Что вы отправляетесь туда затем, чтобы их уничтожить. Не изучать. Не привезти на Землю. Просто выжечь, начисто. Навсегда.

Она заметила, что он мгновенно собрался.

– План таков и есть. Если там разгуливает что-то опасное, мы от него избавимся. Нужно защитить колонию. Никто не станет шутить с потенциально опасными организмами. Таковы правила Компании. Если мы обнаружим что-то смертельно опасное, – что угодно, – мы его поджарим. Ученые перебьются. Даю слово, – после долгой паузы Бёрк наклонился вперед, и его лицо заняло весь экран. – Рипли. Рипли? Ты там?

У нее не было больше времени на раздумья. Возможно, пришел момент, когда стоило перестать думать и начать действовать.

– Хорошо. Я в деле, – ну, вот, она это сказала. Каким-то образом она смогла это сказать.

Бёрк выглядел так, словно хотел еще ответить, поздравить ее или поблагодарить. Что-то такое. Прежде, чем он успел сказать хоть слово, Рипли оборвала связь. Рядом на просты-

ни что-то упало. Рипли повернулась, с любовью глядя на Джонса.

Она провела короткими ногтями по его спине. Кот довольно выгнулся и с урчанием потерся о ее бедро.

— А ты, дорогой мой, остаешься здесь.

Кот моргнул, не переставая подставлять спину под пальцы Рипли. Сомнительно, что он понимал ее слова или содержание разговора с Бёрком, но Джонс не вызвался отправиться с Рипли.

«Хотя бы один из нас еще сохранил остатки разума», — подумала Рипли, снова забираясь под одеяло.

IV

Корабль, изношенный, превысивший все сроки эксплуатации, выглядел уродливо. Модули, которые требовалось заменить, просто чинили, но в целом корабль оставался слишком крепким и ценным, чтобы отправить его на слом. Владельцам проще было обновить его и модифицировать, чем построить замену. Грубые обводы, чрезмерно крупные двигатели. Гора из металла, композитных материалов и керамики, летающая груда мусора, ничего не весящий в космосе памятник войне, корабль грубо пробивал путь в загадочной реальности, называемой гиперпространством. Подобно своему человеческому грузу, он был исключительно функционален. Корабль нес имя «Сулако».

На борту его спали четырнадцать существ. Одиннадцать из них окутывали сходные дремотные фантазии, такие же простые и прямолинейные, как сам корабль, несущийся в пустоте. Сны двух других несли больше индивидуальности. Последний же спал под действием успокоительных, которые приглушали воздействие повторяющихся кошмаров. Четырнадцать спящих, и один, для которого сон являлся лишь ненужной абстракцией.

Старший помощник Бишоп проверил показания приборов и нажал несколько кнопок. По всей длине огромного военного транспорта зазвучали сигналы тревоги. Долгое время

дремавшие в режиме сохранения энергии механизмы пробудились к жизни. Это же происходило с людьми. Капсулы гиперсна выходили в режим пробуждения и раскрывались. Удостоверившись, что их груз пережил долгую гибернацию, Бишоп занялся выводом «Сулако» на геостационарную орбиту вокруг мира-колонии Ахерон.

Первой проснулась Рипли. Не потому, что она легче приспособлялась к изменениям, чем ее спутники, или была привычнее к воздействию гиперсна. Просто ее капсула оказалась первой в очереди на перезарядку. Усевшись, она наскоро растерла руки и перешла к ногам. В капсуле напротив сел Бёрк, а за ним приходил в себя лейтенант – как там его звали? – ах, да, Горман.

В остальных капсулах располагался военный контингент «Сулако»: восемь мужчин и три женщины. Избранная группа людей из числа тех, что по собственному желанию рисковали жизнями большую часть того времени, когда не спали. Они давно привыкли к долгому гиперсну, за которым следовали короткие, но насыщенные периоды бодрствования, и относились к тому типу людей, которым уступают место на тротуарах или в баре.

Рядовой первого класса Спанкмейер занимал должность командира экипажа десантного бота. Вместе с капралом Ферро они отвечали за безопасную доставку коллег на поверхность того мира, куда их занесло на этот раз, и за то, чтобы потом забрать их обратно в целости. При необходи-

мости – очень быстро. Спанкмейер со стоном потер глаза и заморгал, рассматривая отсек гиперсна.

– Я становлюсь слишком стар для всего этого.

Никто не обратил внимания на его замечание, поскольку все хорошо знали – по крайней мере, по слухам, – что Спанкмейер завербовался, будучи несовершеннолетним. Тем не менее, когда команда падала к поверхности очередного мира в десантном корабле под управлением Спанкмейера, никто не отпускал шуток о его зрелости или отсутствии таковой.

Рядовой Дрейк выкатился из капсулы рядом с пилотом. Он был немного старше Спанкмейера и гораздо уродливее. Походя на «Сулако» чертами лица, он и сложением во многом напоминал старый транспорт. Дрейк обладал мощным телом и крайне неприятным видом, с руками как у легендарного одноглазого моряка, переломанным носом, который не поддавался трудам косметических хирургов, и мерзким шрамом. Из-за последнего одна сторона его рта вечно кривилась в ухмылке. Операция могла бы это исправить, но Дрейк не желал расставаться с отметиной на коже. То была единственная медаль, которую он мог носить, не снимая. На голове его плотно сидела мятая кепка, которую ни одна живая душа не осмелилась бы назвать симпатичной.

Дрейк был оператором смарта⁷. Кроме того, он умело обращался с винтовками, ручным оружием, гранатами, хорошо

---

⁷ Сمارт (от англ. Smartgun) – тяжелый ручной пулемет с автоматической системой прицеливания. – Примеч. перев.

работал любимым ножом и собственными зубами.

– Нам за такое слишком мало платят, – пробурчал он.

– Слишком мало за то, что приходится при пробуждении видеть твое лицо, Дрейк, – последовал комментарий капрала Дитрих. Она, вероятно, была самой привлекательной во всем отряде, но только пока не открывала рта.

– Иди, сосни вакуума, – ответил Дрейк и перевел взгляд на только что открывшуюся капсулу. – Эй, Хикс, ты выглядишь так же, как я себя чувствую.

Хикс был старшим капралом команды и вторым по званию после мастер-сержанта Эйпона. Он мало говорил, и, как будто бы, всегда оказывался в нужном месте в момент, когда кому-то грозила смерть. Подчиненные очень ценили эту способность. Пока остальные трепались, Хикс держал язык за зубами, а когда открывал рот, это обычно стоило того, чтобы его выслушать.

Поднявшись на ноги, Рипли растерла икры, восстанавливая кровообращение, а затем сделала несколько приседаний, чтобы размять суставы. Она изучала морпехов, которые шли мимо нее к шкафчикам. Среди них не было суперменов, не видела Рипли и избыточной мускулатуры, но каждый солдат выглядел подтянутым и закаленным. Она подозревала, что любой из них способен был целый день бежать в полной выкладке при двойной гравитации, отстреливаясь на бегу, а потом провести всю ночь, разбирая и ремонтируя сложную компьютерную технику. Здесь хватало и мышц, и моз-

гов, пусть даже морпехи предпочитали разговаривать подобно обычным уличным громилам. Лучшее, что могла предложить современная армия. Среди них Рипли чувствовала себя немного безопаснее – но только немного.

Мастер-сержант Эйпон шел по центральному проходу, перебрасываясь фразой-другой с каждым солдатом по очереди. Сержант выглядел так, словно способен разобрать на части грузовик среднего размера, причем сделать это голыми руками.

Когда он проходил мимо ложа компьютерного техника – капрала Хадсона, – тот пожаловался:

– Этот пол просто ледяной.

– Ты и сам таким был десять минут назад. Впервые вижу такую толпу старых баб. Хочешь, чтобы я тапочки тебе принес?

Капрал похлопал ресницами в его сторону:

– Будьте так добры, сэр. Я был бы чрезвычайно признателен!

Находчивый ответ Хадсона вызвал несколько грубых смешков. Эйпон мысленно улыбнулся и двинулся дальше, распекая своих подчиненных и подгоняя их со сборами.

Пока морпехи брели мимо, Рипли держалась в стороне. Группа была крепко спаяна, словно единый боевой организм об одиннадцати головах, а Рипли его частью не являлась. Она стояла поодаль, сама по себе. Некоторые из проходивших людей кивали, досталось ей и одно или два небрежных

приветствия. Ни на что иное Рипли претендовать и не могла, но это не помогало ей чувствовать себя свободнее в такой компании.

Рядовой первого класса Васкес по пути просто смирила ее взглядом. Даже роботы порой смотрели на Рипли теплее. Оператор смарта не моргнула, не улыбнулась. Черные волосы, еще более черные глаза, тонкие губы. Она была бы симпатичной, приложи к этому хоть немного старания.

Чтобы управляться со смартфоном, требовался особый талант: редчайшее сочетание силы, умственных способностей и рефлексов. Рипли ожидала, что женщина что-то скажет, но та не разомкнула губ. Все морпехи выглядели крутыми. Дрейк с Васкес выглядели крутыми и злобными.

Когда Васкес поравнялась со шкафчиком Дрейка, тот ее окликнул:

- Эй, Васкес, тебя никогда за мужика не принимали?
- Нет. А тебя?

Дрейк поднял ладонь. Васкес хлопнула по ней, и Дрейк тут же стиснул ее тонкие пальцы. Продлевая молчаливое, болезненное приветствие, оба давили все сильнее. Они рады были выбраться из гиперсна и снова жить.

Наконец Васкес звучно ударила Дрейка по лицу, и их руки разделились. Они рассмеялись. Сцена выглядела так, словно играли два молодых добермана. Наблюдая за ними, Рипли пришла к выводу, что Дрейк сильнее, но Васкес – быстрее. Если придется отправиться на планету, она намерева-

лась держаться между этими двумя. Это будет самым безопасным местом.

Среди морпехов тихо передвигался Бишоп, помогая разминать мышцы, предлагая бутылку особой жидкости после гиперсна. Он скорее походил на камердинера, чем на офицера флота, и выглядел старше любого члена команды, включая лейтенанта Гормана. Когда Бишоп проходил поблизости от Рипли, она заметила на тыльной стороне его левой руки буквенно-цифровую татуировку. Поняв, что это значит, Рипли напряглась, но ничего не сказала.

– Эй, – обратился рядовой Фрост к кому-то, кого Рипли не видела, – это ты взял мое полотенце?

Фрост был так же молод, как Хадсон, но привлекательнее – по крайней мере, так он говорил любому, кто готов был его слушать. Что касалось хвастовства, то тут оба молодых морпеха шли примерно наравне: Хадсон полагался на громкость, а Фрост лучше подбирал слова.

Спанкмейер, стоя в начале очереди, продолжал жаловаться:

– Черт, мне нужно расслабиться. Как вышло, что нас вот так вот, сразу же отправили обратно? Это нечестно. Парни, нам полагается отдых.

– Ты только что три недели отдыхал, – мягко заметил Хикс. – Хочешь всю жизнь в резерве провести?

– Я хочу сказать, в живом, а не замороженном виде. Три недели в морозильнике – это не настоящий отпуск.

– Да, первый⁸, как так вышло? – заинтересовалась Дитрих.

– Ты знаешь, это не мне решать, – Эйпон поднял голос, заглушая ворчание. – Так, кончаем жевать одно и то же. Первое собрание в пятнадцать ноль-ноль. Я хочу, чтобы к этому времени все выглядели как человеческие существа, пусть даже большинству из вас придется хорошенько замаскироваться. Давайте пошевеливаться.

Одежду для гиперсна все просто снимали и швыряли в утилизатор отходов. Проще было сжечь остатки и выдать все новое для обратного пути, чем пытаться повторно использовать шорты и футболки, которые прилегали к телу на протяжении нескольких недель. Цепочка стройных голых тел двинулась в душ.

Пущенная под высоким давлением вода смывала скопившиеся пот и грязь, заставляла гореть нервные рецепторы под отдраенной начисто кожей. Хадсон, Васкес и Ферро через клубы пара наблюдали за тем, как вытирается Рипли.

– Так, что это тут за свежее мясо? – спросила Васкес, вымывая из волос шампунь.

– Предполагается, что она вроде консультанта. Я мало о ней знаю, – миниатюрная Ферро вытерла плоский и крепкий, как стальная пластина, живот, и добавила театральным тоном: – Она однажды видела чужого. По слухам.

– Ого! – Хадсон скорчил гримасу. – Я впечатлен.

---

⁸ Разговорный вариант от «первый сержант». – Примеч. перев.

Тут до них донесся окрик Эйпона. Тот уже вышел из душа и теперь вытирал плечи, на которых жира было не больше, чем у морпехов на двадцать лет его моложе.

– Давайте, пошевеливайтесь. Сборище ленивых задниц, вы рециркуляторы досуха выжмете. Двигайтесь. Прежде, чем мыться, нужно еще попотеть.

По традиции в кают-компании царило неформальное разделение. Так получилось само собой. Не потребовалось ни договариваться, ни расставлять таблички с именами у столов. Эйпон с морпехами заняли большой стол, а Рипли, Горман, Бёрк и Бишоп уселись за другим. Все потягивали кофе, чай, спритц или воду, ожидая, пока корабельный автоповар выдаст яичницу с эрзац-беконом, тосты и рубленое мясо, приправы и дозы витаминов.

Всех морпехов можно было опознать по форме. Здесь не нашлось бы двух одинаковых, и разница заключалась не в специальных знаках различия, а в личном вкусе.

«Сулако» не являлся казармой, а Ахерон не походил на парадный плац. Время от времени Эйпон устраивал разносы за особенно вопиющие дополнения к униформе. Например, так случилось, когда Кроу появился с изображением последней подружки на наспинной броне. Но по большей части он позволял своим людям украшать костюмы по вкусу.

– Эй, первый, – приставал к Эйпону Хадсон, – что за операция?

– Да, – Фрост побулькал чаем. – Я знаю только, что полу-

чил приказ об отправке и даже не успел попрощаться с Мирной.

– Мирна? – рядовой Вержбовски поднял кустистую бровь. – Я думал, ее звали Лейна?

Фрост на мгновение замялся.

– Кажется, Лейна была три месяца назад. Или шесть.

– Это спасательная миссия, – Эйпон потягивал кофе. – Сочные колониетские дочки ждут помощи.

Ферро приняла нарочито разочарованный вид:

– Дьявол, мне тогда там и заняться нечем будет.

Хадсон плотоядно на нее оскалился:

– Это почему?

Ферро швырнула в него сахаром.

Эйпон просто слушал и наблюдал. У него не было причин вмешиваться. Он мог бы их утихомирить, сделать все по уставу, но вместо этого предоставил людей самим себе. Но только потому, что знал: его люди – лучшие.

Он пошел бы в бой с любым из них, не беспокоясь о том, что творится за спиной. Зная, что если кто-нибудь попытается подкрасться сзади, с ним разберутся не хуже, чем если бы у него самого были глаза на затылке.

Пусть играют, пусть ругают Управление внеземной колонизации, корпус, Компанию, да и его самого тоже. Когда придет время, игры закончатся, и все займутся делом.

– Тупые колонисты. – Спанкмейер уставился в появившуюся перед ним тарелку. После трех недель сна есть хотелось

зверски, но не настолько, чтобы он удержался от неперменного солдатского замечания о кухне. – Что это еще такое?

– Яйца, болван, – ответила Ферро.

– Я знаю, что такое яйцо, пустоголовая. Я про эту размокшую плоскую желтую штуковину с краю.

– Думаю, кукурузный хлеб, – Вержбовски потыкал субстанцию пальцем и отсутствующе заметил: – А я бы не отказался заполучить еще разок одну из тех арктурианских проституток. Помните то время?

Справа от него сидел Хикс. Капрал быстро огляделся вокруг, потом снова уставился в тарелку.

– Похоже, наш новый лейтенант слишком хорош, чтобы есть с нами, простыми сошками. Целует задницу представителю Компании.

Вержбовски поглядел за спину капрала, не заботясь о том, что кто-то может заметить, куда он смотрит.

– Ага.

– Не важно, если он знает свое дело, – заметил Кроу.

– Волшебные слова, – Фрост занялся яичницей. – Посмотрим.

Возможно, их беспокоил возраст Гормана, несмотря на то, что лейтенант был старше половины людей в отряде. Но, скорее, виной тому было то, как он выглядел: аккуратная, несмотря на несколько недель в гиперсне, прическа, острые и прямые складки брюк, сияющие подобно черной стали сапоги. Слишком хорошо он смотрелся.

Пока они ели и разговаривали, Бишоп занял пустое место рядом с Рипли. Та подчеркнуто поднялась и пересела на другую сторону стола. Старший помощник принял обиженный вид.

– Рипли, мне жаль, что ты так относишься к синтетам.

Рипли, не обращая на него внимания, обвиняюще уставилась на Бёрка.

– Ты не говорил о том, что на борту будет андроид! Почему? И не ври мне, Картер, я видела его татуировку у душевой.

Бёрк пришел в замешательство.

– Ну, мне это и в голову не приходило. Не понимаю, почему ты так злишься. Уже много лет как правила Компании требуют присутствия синтета на борту любого транспорта. Им не нужен гиперсон, и это обходится гораздо дешевле, чем найм пилота-человека для наблюдения за межзвездными прыжками. Они не сходят с ума, работая в одиночку на дальних рейсах. В этом нет ничего особенного.

– Сам я предпочитаю термин «искусственный человек», – мягко добавил Бишоп. – Что-то не так? Возможно, я могу чем-нибудь помочь.

– Не думаю, – Бёрк вытер с губ желток. – В ее последнем рейсе синтет совершил ошибку. Это привело к гибели людей.

– Я потрясен. Это случилось давно?

– По правде говоря, довольно давно.

Бёрк не стал углубляться в детали, за что Рипли была ему благодарна.

– Тогда это наверняка была старая модель.

– «Хипердайн Системс» 120-A/2.

Изо всех сил стараясь принять примирительный вид, Бишоп повернулся к Рипли:

– Что ж, это все объясняет. Старые A/2 всегда были немного дергаными. Теперь такого случиться не может: в нас встраивают новые поведенческие ингибиторы. Я не в состоянии причинить вред человеку или допустить подобное своим бездействием. Ингибиторы устанавливают в процессе сборки вместе с остальными церебральными функциями. Никто не может вмешаться в этот процесс. Так что, как видите, я довольно безобиден, – он протянул Рипли тарелку с горкой желтых треугольников. – Еще кукурузного хлеба?

Рипли выбила тарелку у него из рук, и она грохнула в дальнюю стену, рассыпая хлебцы. Но не разбилась.

– Просто держись от меня подальше, Бишоп! Ты понял? Держись подальше.

Вержбовски, который молча наблюдал за спектаклем, пожал плечами:

– Ей тоже не нравится кукурузный хлеб.

После чего вернулся к еде. Этим обсуждение вспышки Рипли и закончилось.

После завтрака морпехи перебрались в комнату подго-

товки. Вдоль стен выстроились ряды экзотического оружия. Несколько человек сдвинули стулья и начали импровизированную игру в кости. Было непросто устроить подпольное казино после трех недель без сознания, но они старались. Когда вошли Горман и Бёрк, морпехи лениво выпрямились, но стоило Эйпону рывкнуть: «Смир-но!», как все резко вскочили с мест. Мужчины и женщины отреагировали одновременно: опустили руки по швам, уставились прямо перед собой и замерли в ожидании следующих приказов.

Горман оглядел выстроившихся людей. Будь это возможным, он бы сказал, что морпехи сейчас выглядели еще более неподвижными, чем в гиперсне. Он выждал еще секунду, и только потом сказал:

– Вольно.

Люди расслабились, и линия чуть расплылась.

– Сожалею, что у нас не было времени ввести вас в курс дела до вылета с Узловой, но...

– Сэр?

Горман раздраженно посмотрел на перебившего его солдата. Ему даже не позволили закончить первую фразу, прежде чем начали задавать вопросы. Не то чтобы он ждал чего-то другого. Его предупреждали о том, что эта компания может себя так повести.

– Да, Хикс, в чем дело?

– Хадсон, сэр, – мужчина кивнул на человека, который стоял рядом с ним. – Хикс – это он.

– В чем дело, солдат?

– Это будет открытый бой или очередная охота на жуков?

– Если бы ты подождал минутку, то понял бы, что я предвидел некоторые ваши вопросы. Я понимаю ваше нетерпение и любопытство. Объяснять почти нечего. Мы знаем только, что связи с колонией все так же нет. Старший помощник Бишоп попытался вызвать «Хадли», как только «Сулако» оказался в пределах слышимости от Ахерона. Ответа не было. Планетарный спутник дальней связи на поверку оказался в порядке, так что причина не в нем. Мы пока что не знаем, что случилось.

– Есть какие-нибудь догадки? – поинтересовался Кроу.

– Есть вероятность – и на данный момент это всего лишь вероятность, – что речь может идти о ксеноморфе.

– Чего-о? – протянул Вержбовски.

Хикс наклонился к нему и негромко прошептал:

– Это охота на жуков.

Повысив голос, он обратился к лейтенанту:

– Так что это за существа, если они там есть?

Горман кивнул Рипли, и она вышла вперед.

Одиннадцать пар глаз скрестились на ней как винтовочные прицелы: внимательные, любопытные, изучающие. Они оценивали ее, пытались понять, стоит ли отнести ее в ту же категорию, что Бёрка с Горманом, или нет. Поскольку морпехи пока что ее не знали, в них не чувствовалось ни приязни, ни антипатии.

«Прекрасно. Пусть так и будет».

Рипли положила на стол перед собой несколько крошечных дисков.

– Я надиктовала все, что знаю. Вот копии. Можете запустить их у себя в каюте или в костюмах.

Эйпон слегка улыбнулся:

– Я медленно читаю. Подразните нас немного.

– Да, устройте нам предварительный показ, – Спанкмейер прислонился к штабелю взрывчатки, которой хватило бы, чтобы поднять на воздух небольшой отель, и, поерзав, уютно устроился среди воспламенительных трубок и детонаторов.

– Ладно. Во-первых, важно понимать жизненный цикл этого организма. На самом деле, речь идет о двух существах. Первое вылупляется из споры – вроде большого яйца – и прикрепляется к жертве. Затем он вводит зародыш в организм носителя, отсоединяется и умирает. По сути это – движущийся репродуктивный орган. Затем...

– Прямо как ты, Хикс, – ослабился Хадсон.

Хикс ответил своей обычной мягкой улыбкой.

Рипли это смешным не показалось. Она не находила смешным ничего из того, что касалось чужого, но ведь она его видела. Морпехи все еще не верили, что она описывает нечто, существующее в реальности, а не продукт собственного воображения. Ей требовалось проявить терпение. Задача обещала быть непростой.

– Вторая форма, зародыш, живет в теле жертвы несколько

часов. Формируется. Затем, – у Рипли внезапно пересохло в горле, и она сглотнула, – выходит наружу. Линяет. Быстро растет. Взрослая форма быстро проходит через несколько промежуточных стадий, пока не достигает зрелости. На этом этапе существо похоже на...

На этот раз ее прервала Васкес:

– Все это прекрасно, но мне нужно знать только одно.

– Да?

– Где они.

Васкес указала пальцем в точку между Рипли и дверью, согнула большой палец и сдула воображаемого противника. Сопратники встретили ее жест одобрительным хохотом и гиканьем.

– Так держать, Васкес! – Дрейк, как всегда, наслаждался нескрываемой кровожадностью напарницы. Васкес получила прозвище Играющий Убийца, и оно ей подходило.

Она отрывисто кивнула:

– Когда угодно. Где угодно.

– Кто-то сказал: «чужие»? – Хадсон откинулся на спинку стула, лениво играя оружием с необычно длинным и узким стволом. – Она просто подумала, что речь о незаконных иммигрантах, и записалась в рейд.

Васкес небрежно выставила в сторону компьютерного техника средний палец:

– Заткнись, а то поимею.

Хадсон, как мог, воспроизвел ее голос и тон:

– Когда угодно. Где угодно.

– Я вам не мешаю, мистер Хадсон? – спросила Рипли голосом холодным, как внешняя обшивка «Сулако». – Я понимаю, большинству из вас все это кажется еще одной обычной операцией по наведению порядка. Уверяю вас, все сложнее. Я видела это существо. Я видела, на что оно способно. Если вы на него наткнетесь, я гарантирую, что смеяться вам не захочется.

Хадсон замолчал, но усмешка с его губ не пропала. Рипли повернулась к Васкес:

– Я надеюсь, что все окажется так же легко, как вы представляете. Честно.

Их взгляды встретились, и ни одна из женщин не отвела глаз.

Это противостояние прервал Бёрк, шагнув вперед, чтобы обратиться к морпехам.

– Для предварительного представления достаточно. Я предлагаю всем потратить некоторое время на изучение дисков, которые любезно подготовила для вас Рипли. На них записаны дополнительные базовые данные и высокодетализированные предполагаемые изображения, созданные компьютером. Думаю, они вас заинтересуют. Как минимум, привлекут внимание.

На этом он уступил место Горману. Лейтенант выглядел оживленным, и, хотя он не вполне походил на командира, голос его звучал по-командирски.

– Благодарю, мистер Бёрк, мисс Рипли, – он обвел взглядом безразличные лица. – Вопросы?

Из задних рядов небрежно махнули рукой, и Горман смиренно вздохнул.

– Да, Хадсон?

Компьютерный техник внимательно разглядывал ногти.

– Как мне выйти из этой группы?

Горман бросил на него сердитый взгляд и воздержался от озвучивания первого пришедшего на ум ответа. Он еще раз поблагодарил Рипли, и та с облегчением вернулась на место.

– Ладно. Я хочу, чтобы эта операция прошла гладко и без сюрпризов. Нужно полностью интегрировать тактические базы данных с системами управления к восьми тридцати.

Раздалось несколько стонов, но всерьез никто не протестовал. Ничего иного они и не ожидали.

– На погрузку вооружения, подготовку и проверку оружия, подготовку десантного корабля у нас семь часов. Я хочу, чтобы все было готово вовремя. Давайте приступать. В конце концов, у вас было три недели отдыха.

V

«Сулако» напоминал огромную металлическую ракушку, дрейфующую в черном море. Он выходил на окончательную орбиту, и вдоль уродливого корпуса беззвучно сверкали голубоватые огни. На корабельном мостике Бишоп невозмутимо изучал показания датчиков. Время от времени он щелкал переключателем или вводил в систему ряд команд. По большей части ему оставалось только наблюдение: на желаемую позицию корабль выводили компьютеры. Автоматизация, которая сделала возможными межзвездные перелеты, низвела человека до положения запасной системы – на самый крайний случай. Теперь же людей заменили синте-ты, подобные Бишопу. Исследование космоса превратилось в шоферскую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.